

МЕЛЬПОМЕНА

*Памятник я воздвиг, который стоять будет вечно.
Он выше всех пирамид и меди прочней долговечной.
Не смогут ни яростный ливень, ни ряд непрерывный годов,
Ни северный ветер бессильный, ни ход торопливый часов
Разрушить созданье бесценное, в веках бесконечных
нетленное.*

*И если однажды узнаю я в полуночный час Либитины лик,
Я буду спокоен: хоть часть меня, но сможет остаться в
стихах моих.*

*Покуда с безмолвною девою на Капитолий жрец всходит,
Слава моя незабвенная лишь множиться будет в народе.
Скажут однажды, рожден я был, где средь холмов Ауфид
шумит,*

Давн где, водой небогатый, народам всем благоволит.

Что я, из рода незнатного, перевести все же первым смог

Славную песнь эолийскую вечную на итальянский слог.

О, Мельпомена! яви же ты заслугами гордость добытую

И с милостью лавром Дельфийским обвей мне главу непокрытую.

Квинт Гораций Флак «К Мельпомене»

Ночью он никак не мог заснуть. Дождавшись, когда часы под ночником стали показывать без четверти двенадцать и убедившись, что няня уже спит, он слез с кровати и подошел к новогодней елке, чтобы еще раз напомнить Деду Морозу о своем желании.

Раньше он бы ничего такого делать не стал потому, что все его желания всегда заранее каким-то удивительным образом угадывали мама и нянюшка. Глядя потом на его удовлетворенное личико, они дружно радовались полному совпадению их отгадок.

Но так продолжалось лишь до тех пор, пока не сообщил маме, что хочет стать артистом балета, а когда вырастет, то непременно женится на Надежде Павловой, которую несколько раз видел по телевизору. Балет сразу заворожил его своей неземной красотой, когда в три года он побывал на «Жизели» - «для общего развития». А после много лет в день своего рождения он ждал особого подарка – новогоднего представления балета «Щелкунчик». Новый год стал немыслим для него без «Щелкунчика» 31 декабря, навсегда слившись со свежими запахами хвои и мандаринов.

Несколько раз он напоминал маме о своем желании, потому что слышал, что некоторые девочки-ровесницы уже ходили в балетный кружок. Но тут ему пришлось впервые столкнуться с тем, что у мамы на его будущее были и свои желания, которые он должен был исполнить, отказавшись от мечты в каждый свой день рождения выходить Щелкунчиком в красном трико, чтобы дарить всем новогоднюю сказку. Мама заявила, что вначале он должен закончить школу с золотой медалью, а потом поступить в Московский университет, где учился его дедушка, а дальше у мамы были совсем скучные планы, исполнять которые ему не хотелось ни капельки.

И как раз сегодня, на очередном «Щелкунчике» он впервые решил обойтись в исполнении желаний без мамы и няни, напрямую обратившись к Деду Морозу. Поэтому не слишком удивился, обнаружив, что не один крутит блестящие шарики у елки. Рядом с ним вместо Деда Мороза оказалась высокая тетенька с вьющимися черными волосами, небрежно заколотыми двумя золотыми гребешками с камушками. Она с любопытством рассматривала старинные новогодние игрушки, но не крутила шариками, потому что руки у нее были заняты большими часами.

- А где Дед Мороз? – разочарованно спросил мальчик.

- Я вместо него, - невозмутимо сказала дама.

Малыш вздохнул и пригласил гостью к столу, на котором стояла большая ваза с фруктами и подаренная ему на день рождения чудесная книга про Чиполлино. У всех картинок в книге были глазки из прозрачной пластмассы с черными бусинками внутри. Книжку можно было трясти, и у всех нарисованных героев сказки при этом бегали глазки. С видимым облегчением дама поставила на стол тяжелые часы, и мальчику показалось, что ее часы небрежно отпихнули его книжку в сторону маленькой бронзовой ножкой, выполненной в виде лапки льва.

- Ты даже представить не можешь мое затруднение! – озабоченно призналась дама, вынимая из складок длинного платья хрустальный флакон, слабо светившийся изнутри. – С одной стороны, часы Сфейно никогда не ошибаются, а с другой стороны... это твоё сумасшедшее желание... Как женщине разумной и порядочной, мне очень хочется принять сторону твоей мамы.

- Значит, теперь мне придется учиться на математика? – спросил мальчик, едва сдерживая слезы. – Зачем же я тогда... тогда... зачем?

- Ой, только не реви! Я сама сейчас завою, – отмахнулась от него тетенька. – Недавно девочку благословила на служение Каллиопа, так до сих пор сердце кровью обливается. А теперь вот ты, малыш... Поставь себя на мое место! И если бы ты, в качестве будущей Мельпомены, хотя бы задумал стать театральным режиссером, а может быть режиссером кино – это одно. Но вас всех почему-то тянет в балет! Поэтому мне приходится говорить с каким-то... недомерком. Не обижайся, это я не на тебя злюсь, а на себя. Рассчитывала встретить сложившегося человека, а тут... мандаринки всякие, чиполлины... Мельпомена... ну, это непременно трагическая маска, это буря эмоций, это... «протяжный вой»! Это как у Александра Сергеевича Пушкина в «Евгении Онегине»!

*Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздаётся вой,
Где машет мантию мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внимлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также в прежние леты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.*

- Это как Злой Гений, да? – поинтересовался мальчик. – А на меня всегда все смотрят! Где я ни встану, сразу и смотрят.

- Да мне не жалко, – устало произнесла тетя, – разве я об этом? Да и как на тебя не смотреть? Вон ты какой черненький! И глазки огромные... Кстати, ты почему такой черный?

- А я, тенька, грузин!

- Ну, знаешь, привыкла к совпадениям, но чтобы до такой степени... Среди грузин Мельпомены не впервые, у вас какая-то особая склонность, истинная ее страсть, – заметила гостья. – Что, впрочем, несколько не удивительно. Когда-то у меня была младшая сестра... она уже умерла. Так у нее родились... ну, ты еще ведь не знаешь, как дети появляются?

- Официально – нет, а в целом догадываюсь, – смутился малыш.

- Так вот первым у нее родился такой летучий конек Пегас, - махнув рукой на условности, сказала все как есть Эвриале. – Но мало кто знает, что с ним родился Хрисаор. Его многие считают великаном, потому что он сразу родился взрослым и с золотым мечом. Наверно, потому что до рождения знал, что детства у него уже не будет.

- Вы имеете в виду горгону Медузу? – серьезно спросил ее мальчик. – Но ведь было сказано, что кроме Пегаса, из капель крови Медузы появились ядовитые змеи, которые уползли в Ливию.

- И там, конечно, не говорилось, что и у Асклепия была склянка с кровью Медузы, которая помогала даже неизлечимо больным? - с раздражением возразила Эвриале. – Ее сын Хрисаор отправился не в Ливию, а на Кавказ, став первым правителем Иберии. От трех его сыновей ведут род все грузинские князья. Так что ты... в некотором роде, мой племянник.

- А разве могут быть такие далекие предки? – зачарованно спросил мальчик.

- Меня всегда удивляло смешное желание некоторых людей приписать себе высокое родство. Но еще больше удивляло непонимание людей, что они живут сегодня – только потому, что их дальние родственники уже жили тогда, когда Холодец подговорил Персея убить Медузу.

- А кто такой Холодец?

- О! Еще познакомишься с ним! - сверкнула глазами горгона. – Поскольку при исполнении твоего глупого и самонадеянного желания детства у тебя уже не будет, давай отметим последний его день! Тем более, сегодня Новый год. А по-старому в это время заканчивались римские сатурналии, люди встречали новое время. Ты что будешь – ачма или кубдари?

- Ой, можно я такое не буду? – заныл мальчик.

- Так ты же грузин! – удивилась Эвриале.

- Грузин, - согласился малыш. – Но острое не люблю. И кукурузную муку не люблю, и орехи подсыпанные не люблю. Но больше всего не люблю мацони. Я вместо нее крошку с луком и свежими огурцами люблю. Холодец с хреном, вареники всякие, борщ... У нас няня готовит, она – украинка.

- И сало домашнее? – поинтересовалась Эвриале, глядя на безмятежно сопевшую няню.

- Ой, сало, если оно чуть-чуть тянется и слоями, обожаю! – ответил мальчик, покосившись на часы, которые презрительно хмыкнули.

- Ну, понятно все с тобой, - задумчиво констатировала Эвриале, достав из ящичка часов красивый буклет меню. – Тогда давай обратимся к извечным ценностям французской кухни... Итак, парочку жульенов с грибами, медальон из сома с тимьяном под соусом шофруа, блинчики по-пикардийски, а потом... саварены сюрприз и карамельный мусс с ванилью. Покажется мало – добавим! Балет – искусство французское, так что придется забыть о галушках и помпушках, привыкай!

- А вас как зовут? Извините, - смутился малыш, зачарованно глядя, как дама вынимает из часов соусники, салфетки, столовые приборы и дымящиеся жульены в фарфоровых формочках.

- Эвриале, - представилась дама. – А тебя как?

- А меня – Николенька! – сказал мальчик, с удовольствием пробуя жульен.

На кровати заворочалась няня, почувствовав дразнящий аромат жульенов. Эвриале повернулась в ее сторону и строго сказала: «Спи, женщина!»

- А я уж думала, что тебя и зовут Мыкола, раз ты такой гарный парубок, - съязвила Эвриале. – Вкусно тебе?

- Вкусно! Спасибо! - Вы теперь лучше мне скажите, как мне маму уговорить, - ответил мальчик.
 - Тебе как-то надо научиться с женщинами говорить, - сочувственно глядя на малыша, сказала тетенька. – Ты же собрался в такое место, где не просто будет преимущественно женский коллектив. У тебя потом всю жизнь и во сне будут женские ноги над головой... и все остальное, что там к ним прилагается. Тебе не просто надо «налаживать общение», тебе надо понимать женщин с полуслова, научиться ими вертеть – легко и непринужденно. Ладно, нечего на меня глаза таращить, скажешь маме, что твердо решил учиться играть на ... арфе! Скажи, что хочешь стать известным арфистом и повсюду иметь при себе этот замечательный инструмент!

- Так просто? – не поверил ей мальчик.

- Да, с виду просто, а действует безотказно, - подтвердила Эвриале.

В ту ночь он впервые услышал о гарпиях, с которыми музы должны были вести войну, сами того не желая. Она чувствовала, что наступают времена торжества гарпий, времена их гнездилища и кормежки. Поэтому зыбкость реальности, размытые нравственные ориентиры и заставляют муз заранее выбирать наиболее сложные виды классического искусства, где можно бесспорно и для всех очевидно проявить свое право пробуждать лучшие свойства человеческой души. Эвриале несколько не сомневалась, что Терпсихора и Талия тоже захотят пойти, вслед за ним, - в балет. И это, по мнению Эвриале, было весьма похвально, но одновременно очень и очень опасно.

В театре, куда всем сердцем стремился Николенька, уже царила одна муза – Полигимния или «многопоющая». Туда же непременно явится и одна из старших муз, чтобы помочь младшим сестрам. А место сбора пяти муз... сразу же сделает их всех уязвимыми. В этом случае им точно не удастся обмануть гарпий.

Поэтому... пусть заранее приготовится к тому, что в театре, куда он так стремится, все гарпии начнут на него охоту. Они будут делать то, чем занимались всегда: уничтожать души, лгать, стараться лишиться всех куска хлеба... И ему надо стремиться быть всегда на голову выше других, раз уж он окажется на виду «пред холодной толпой».

Мельпомена в чем-то самая важная муза, как камертон всех девяти муз своего времени, как олицетворение нерукотворного памятника своему времени, его трагическая маска. Кроме маски у нее всегда был меч, а раньше – палица, потому что Мельпомена - символ неотвратимости божественного наказания за все преступления. Она всегда оказывается в эпицентре бури, которую несут с собой гарпии. В ней сосредоточено мужество всех девяти муз, - пока стоит Мельпомена, держатся и все другие. Поэтому Каллиопы все времен, начиная с оды Горация, слагали свое посвящение Мельпомене.

*Веленью божью, о муза, будь послушна,
 Обиды не страшась, не требуя венца,
 Хвалу и клевету приемли равнодушно
 И не оспаривай глупца.*

[А.С. Пушкин «Памятник»]

- Обиды не страшась, не требуя венца? – вопросительно повторил мальчик.

- Не грусти! – улыбнулась Эвриале. – Что-то мне подсказывает, что и венец и похвалы тебе будут. Но когда начнется драка... тебе они не помогут, гарпии равнодушны к чужим наградам и званиям. Тебе придется заручиться поддержкой старших сестер. Поэтому живи так, чтобы они не имели ни малейшего повода отступить, а гарпии его будут искать, учти!

Женщина, ободряюще поглядев на мальчика, щелкнула по флакону, в котором сразу за клубилась золотая пыль, а свет стал ярче.

- Да, все это очень странно! – проговорила она сама себе.

- Странно, что я – грузин? – подозрительно спросил малыш.

- Нет, все по отдельности нисколько не странно, но когда все это вместе... галушки, сало, грузин, балет... тогда это несколько странно. Это как завязка будущей истории, для которой необходимо, чтобы ты любил сало, был артистом балета, да еще и грузином. Мне просто это заранее дико! Я пока не могу представить такой эпос, но потому я и не Каллиопа. Но я уже видела ту, которая его напишет. У нее странное дарование – превращать все ужасы этого мира в фарс, сбивать любой взмах черных крыльев гарпий – безошибочным видением их низких помыслов. Сейчас задаюсь вопросом: а чего же я ждала? При этой девице меня с каждой из сестер будет ожидать сюрприз на вкус вашей коронованной сестрицы. Честно говоря, сейчас впервые за множество веков начинаю испытывать любопытство. При этом я знаю, что вас всех ждут страшные испытания, знаю! Но не могу грустить, потому что это... очень смешно! И мне почему-то кажется, что когда самого страшного ждешь, едва сдерживая смех, то это не может закончиться печально!

- А чего ж здесь смешного? – улыбаясь, спросил мальчик. Он хотел спросить ее сурово и холодно, но и его ситуация немного смешила.

- Ну, ты же сам понимаешь, насколько это смешно с самого начала! – расхохоталась Эвриале. – Ой, не могу! Сало, грузин, балет!... Прости, не могу удержаться!

Прощаясь, она сделала непонятный для него знак часам, пояснив мальчику, что не будет скручивать время назад. Встретились они на рубеже старого и нового года, поэтому неизвестно, как такие временные петли могут отразиться на общем времяисчислении. Ведь это все же не среду вторником подменить. А потом... он же еще маленький. Вряд ли он будет помнить, как когда-то в детстве провел Новогоднюю ночь с незнакомой тетей. Скоро мама отведет его в хореографическое училище, чтобы он никогда не стал арфистом, так ему вообще станет не до нелепых мыслей, будто он и есть – самое Мельпомена.

* * *

- Все! Наши разговоры закончены! – сказал прославленный премьер театра, пытаясь вышибить носком вставленный в проем двери женский ботильон. – Я так с женщинами не поступаю, но ты меня столько раз подставляла, что...

- Коля... Коля, пойми! Нам надо поговорить! – налегая плечом на дверь, тихонько шептала ему Эрато. – Меня же ваша оперная дива попросила!

- Это ваше «Коля-Коля»? Правильно одна женщина в Интернете написала, что такое обращение напоминает, будто вы «пьяного папашку возле кабака встретили!» – отходя от двери, проговорил премьер, поправляя роскошную гриву растрепавшихся волос.

- Вот и о ней нам тоже надо поговорить! – так же тихо ответила Эрато, плотно прикрывая за собой дверь. – Слушай, с тобой в детстве ничего странного не происходило?

- В каком смысле? – удивился премьер ее неожиданному вопросу.

- В прямом! – огрызнулась она. – Ты должен был что-то видеть!

- Так у меня и детства не было, как такового, – попытался свести к шутке ее горячность танцовщик. – Если я еще в школе станцевал балетные вершины вроде «Классического па-де-де» Гзовского и па-де-де из балета «Фестиваль цветов в Джензано» Бурнонвиля, так откуда у меня будет детство? У меня в жизни-то ничего не было, кроме балета.

- Ты знаешь, о чем я! – с нажимом сказала Эрато.

- Постой, а что за допрос? – с прежним недоумением спросил он.

- Так, давай напрямую! Тебе этот стих Горация ничего не напоминает? – спросила она и прочла нараспев несколько строчек, отметив, что танцор явно дернулся на прозвучавшем имени «Мельпомена».

*Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, - ты, кому дал Отец
Звонкий голос с кифарою!*

- Напоминает, конечно! – сказал он тихо. - Напоминает, что были иные времена и совершенно нормальные люди, с нормальным отношением к искусству. Ты-то здесь при чем? Из электронной энциклопедии выписала?
- Коля, у меня нет времени на пустые разговоры и запирательства, - поражаясь его упрямству, ответила Эрато. - Да, я могла тебя где-то подставить, а где-то и предать, суть не в этом
- А в чем может быть суть, когда человека «где-то подставили, а где-то предали»? Вы так это делаете... странно! Даже не понимая, что никакие разговоры после этого не ведутся, вообще никакие! – сказал он и удивительно красиво всплеснул кистями рук.

- Коля, по моим следам идут гарпии, мне осталось немного, если ты не поможешь, - устало откликнулась Эрато, усаживаясь возле зеркального трюмо. – Всегда знала, что при моей профессии я могу заработать деньги, лишь рискуя душой, работая на грани. А если я ее все-таки потеряю, хоть это будет абсолютно незаметно для других, я денег заработать не смогу. Понимаешь, какая дилемма? Я вообще стану никому неинтересна. Ты ведь и сам видишь, что бездуховный танцовщик – как вареная капуста, он неинтересен. Потому сам своих учеников заставляешь читать, ходить на спектакли, выставки, концерты, жить духовной жизнью. Никогда не ценила в себе эту духовную составляющую, но сейчас оставаться без нее - в мои планы не входит.
- Ну, так об этом надо раньше думать, - рассудительно сказал премьер. – Какой-то у нас «душевный» разговор получается. При чем здесь какие-то гарпии? Это такие мифические птицы, которые души в Дантовом Аду истязают?

- Это такие же реальные существа, как мы с тобой! И не делай вид, будто слышишь о них от меня первой! – взорвалась Эрато. – Мне ваша дива, которую я считаю Полигимнией, говорила, что видела их прямо в театре. А одна сидела на плечах отца одной артистки кордебалета. Сам у нее расспроси, я не могу о них говорить. Увидишь их рядом – сам поймешь почему. Господи, у тебя выпить не найдется? Или пойдем куда-нибудь... Не могу больше.

- Мне некогда куда-то идти, а тем более – что-то пить. У меня завтра репетиционный класс с утра до вечера, поэтому... никак! – с наигранной обреченностью ответил премьер.

В гримерку внезапно ворвались молодые девушки в балетных трико и стали просить его назавтра пройти с ними первую встречу Жизели. Танцовщик мягко выпроводил девушек за дверь, назначив время в репетиционном зале, вежливо попросив хотя бы стучаться. Со смешками и ужимками девушки посмотрели на Эрато и грациозно вылетели из гримерной, явно ее узнав. Возможно, они и ворвались без стука именно потому, что видели ее в коридоре.

- Вот видишь? – недовольно сказал танцовщик. – Поговорить не дают! Какая мне первая встреча Жизели, если я уже встречался с ней тысячу раз на разных мировых сценах? Меня пора в утиль сдавать, а мне предлагают первый раз с Жизелью встретиться. По-моему, это знак, что нам надо как-то завершать нашу неконструктивную беседу.

- Жаль, я часы Сфейно у Владимирской оставила, а то бы показала тебе, так сразу бы поверил. Там и твой флакон есть, – сказала Эрато. – Мы когда с ней мысленно распределили, кто нынче кто, так твое имя сразу на флаконе Мельпомены проявилось.

- Стоп, ты про что говоришь? – прервал ее премьер, внезапно что-то припоминая. – У меня в детстве был странный сон с часами!

- Это не те! – отмахнулась Эрато. – Это к тебе являлась Эвриале со своими говорящими часиками, страдающими kleptomанией и разнузданным поведением. А все твои достижения в качестве воплощения Мельпомены – отражаются на часах ее старшей сестры, Сфейно. Там есть твой флакон, по которому видно, сколько золотого песка у тебя осталось. И песка в твоих пороховницах еще прилично.

- Есть порох в пороховницах, а ягоды в.. Так значит, это все было на самом деле? – растерянно спросил танцовщик. – Зря я нашей диве не поверил... но кто бы на моем месте поверил? Но ты бы точно сама такого не придумала, с фантазией у тебя слабовато.

- Да у меня сейчас вообще никак с фантазией! – с отчаянием в голосе призналась Эрато. – Я не могу сообразить, что делать-то теперь?

Своей знаменитой скороговоркой она начала тараторить про муз, про гарпий, про Холодца, про Телксиегию, фильм которой она сейчас вынуждена пиарить, хоть это не фильм, а гадость какая-то... Она видела, что Николай слушал ее внимательно, не проявляя никакого интереса. Но когда она вдруг сбавив скорость, с трудом подбирая слова, рассказала, как помогла остановить Каллиопу, как после отдала часы Терпсихоре, столкнувшись с гарпией в подвале, он заметно оживился.

- Почему вы с Владимирской общий язык нашли даже после истории с олигархом Бероевым, мне понятно, – с нескрываемой улыбкой сказал он. – У нее сейчас свой шоу-балет, она ищет новые формы, а самыми беспроблемными у нее получаются номера с переизбытком эротизма. Но почему ты считаешь, будто она до сих пор – Терпсихора? Как я понимаю, ты ведь остаешься нормальным человеком, если даже у тебя кончится золотой песок.

- Я пытаюсь ему объяснить, а он не понимает! – в сердцах воскликнула Эрато. – В моем случае будет иначе! Если бы я сделала то, что от меня требовалось, то действительно стала бы нормальным человеком, когда у меня закончился бы золотой песок. Но... я сделала то, что сделала. Потому что он закончился бы раньше! Думаешь, я не поняла, что как только признаю Каллиопу – так уже буду никому не нужна?

- А сейчас?..

- Да в том-то и дело! Все бы отдала, чтобы это давно закончилось...

- Ничего бы ты даром никому не отдала! – подытожил премьер. – Но мне странно, как Владимирская может оставаться Терпсихорой, ведь сейчас есть куда более талантливые балерины, раскрывшиеся...

- Раскрывшиеся только потому, что ее выгнали из театра, а это не считается! – перебила его Эрато. – Ты же сам говорил, что она – наиболее талантливая балерина своего поколения.

- Совершенно верно, но по-настоящему она не раскрылась, - заметил Николай, вдруг начиная о чем-то догадываться. – Стой! Значит, она остается музой, поскольку не мешала никому раскрываться, вдохновляя других на творчество! А ты мешала и ей, и Каллиоппе! Поэтому, как только закончится золотой песок...

- Я потеряю душу, - мрачно закончила Эрато. – Стану таким же дебилоидом, которых можно в телевизоре видеть. Но сама для телевидения стану неинтересной. У нас там потому и карьеры непродолжительные, что человек интересен в момент, когда рискует душой, откровенно торгуется ею. Как только торг завершился – рейтинг стремительно падает. Почему-то люди избегают смотреть на тех, кто продал душу. Даже если человек произносит самые нужные и красивые слова. С утратой души – сразу же теряется любая возможность творчества, а без творчества все это никому неинтересно. Зря многие пишут, будто телевидение – «зомбоящик», которым «зомбируют». Переключить каналы теперь намного проще, чем «зомбирова́ться». Что-то кому-то внушить можно лишь, проявив творчество, сыграв искренность... без души это невозможно.

- Это как наша пресс-секретарь не может написать трех листочков пресс-релиза, а директор спит в ложе, ни разу ни одной оперы целиком не увидев, - заметил Николай. – Но неудобно спросить прямо, почем они душу реализовали.

- Это обычно происходит постепенно, в ходе «карьерного роста», - пояснила Эрато. - Как понимаешь, я теперь к старшим музам сунуться не могу! Рада была, когда Полигимния призвала, а она попросила письмо опубликовать... Теперь вот и ты со мной говорить не хочешь.

- Да уж. Я думал, ты меня подставила, Владимирскую откровенно предала! Но так, как ты поступила с Каллиоппой...

- От меня ничего не зависело!

- Да когда от тебя что-то зависело? – возмутился премьер. - Ты катилась по наклонной, убеждая себя в «независимости» - и все! Чтобы от тебя хоть что-то зависело, надо поворачивать против течения, ломать себя! Ты ведь привыкла только смотреть, как при тебе других ломают. Вернее, отворачиваться в сторону. И что ты теперь от меня-то хочешь? Я очень далек от этого мира. А про Интернет у меня сложилось убеждение, что там – одна грязь! Мне кажется, что Интернет придуман для воровства друг у друга идей, это инструмент плагиата.

- Хорошо, допустим, я во многом виновата! – примирительно сказала Эрато.

- «Допустим!», - саркастически хмыкнул Николай.

- Знаешь, ты тоже должен понять, что мои проблемы теперь очень прочно связаны и с твоими тоже, - почти мстительно прошипела Эрато. - Если ты думаешь, что за все достанется мне одной, то очень ошибаешься. Да ты уже по уши в дерьме, потому что твое имя на том флаконе!

- Да я-то здесь при чем, если никого не предавал? – удивился премьер. – Ты же сама сказала, что раз песок есть, то музе ничего не бывает!

- А кто тебя будет спрашивать? Гарпии? – устало растерла виски Эрато. – Мне это письмо твое Полигимния дала, чтобы привлечь к тебе старших муз, чтобы тебя спасти. Идет большое побоище, в стороне ты не останешься. Ты уже что-то такое сделал, как-то слишком проявился, показал свою внутреннюю суть. И знаешь, это намного существенней, чем мои маленькие подножки Каллиоппе или Терпсихоре. Мне бы их простили, неужели ты не понимаешь? На самом деле, ты намного более интересен гарпиям, чем я, когда у меня песок во-вот закончится. А ты пока ничего не понимаешь или нарочно не желаешь понимать. Знаешь, на нашем телеканале есть программа... Что-то из «мира непознанного». Там ведущий заканчивает каждый выпуск утверждением, будто если мы не верим во что-то, то этого и не будет.

- Нет, я такие программы не смотрю, - не слишком уверенно сказал премьер и покраснел.

- А я, Коля, говорю о настоящей объективной реальности, - ответила Эрато. – Мир существовал и до нас, а он вообще намного сложнее наших представлений, как выясняется.

- Что ты точно сделала гадко, это то, что часы оставила у Владимирской, - серьезно заметил Николай. - Если ты все это сама видела, хорошо знаешь, кто охотится за часами... так разве можно было такую вещь оставлять в доме, где ребенок маленький? Я, конечно, считаю, что Владимирская у нас не Аристотель, но она никого не предавала, отзывчивая и добрая до крайней глупости! Только ей такое и можно было навязать.

- А ты бы взял их? Сам бы их взял? - взорвалась Эрато. - Вот и молчи тогда! Я бы их до тебя не донесла, я у вас здесь даже запах гарпий чувствую! И Телксиепия сказала, что сообщит о часах Холодцу.

- Во всей этой очень странной для меня истории меня интересует, что мне-то теперь делать? - пожал плечами премьер. - Я всегда знал свою партию, мог откинуть все сомнения, собраться, рассчитать каждое движение... Мне надо понимать, как действовать!

- Вот что мы с Владимирской сообразили на полторы головы, - с явным облегчением начала тараторить Эрато. - Есть у вас здесь кто-то, кто очень прочно связан с МВД. Зима будет страшной! Если декабрь как-то можно пережить, то в январе, до наступления цикла Водолея, произойдет что-то ужасное, просто ужас-ужас-ужас! Но при этом все стрелки начнут сводить только на тебя! И тогда ты должен следить за Каллиопой, она подскажет, что ты должен делать.

- Терпсихора, Эрато, Полигимния, Мельпомена, - закатив глаза, трагическим голосом начал перечислять премьер.

- Прекрати! Оставь этот сарказм! Если ты - действительно Мельпомена, тебе грозит страшная опасность! Ты - муза с золотым мечом, на тебя будет основной натиск, - решительно оборвала его Эрато, раскрывая перед ним ноутбук. - Ты же сам просил показать тебе твой маневр. Посмотри, на ресурсах Каллиопы уже начали появляться публикации о тебе! И в комментариях она выступает исключительно за тебя! Пока на ее ресурсах дублируются комментарии из социальных сетей, еще нет анализа, но это означает, что реакция есть, она начала мониторинг сети. Вот здесь пишет не она, но она уже обросла старшими музами. Как я понимаю, пишет Эвтерпа.

- Не буду я это читать! Надоело! - в раздражении отодвинул он от себя ноутбук. - У администрации театра есть прикормленный форум «Друзья балета». Билеты стоят по 30 тысяч рублей, им они даются бесплатно, а они потом меня грязью поливают! Начитался досыта, большое спасибо!

- Это тебе понравится, еще взхлеб читать будешь! - безапелляционно отрезала Эрато. - Ваша Полигимния оказалась права! Бывший министр культуры тоже обмолвился о письме, но этого никто не заметил. А Каллиопа отреагировала лишь на мою публикацию. Заметь, она меня не опускает, хотя не имеет никаких причин любить меня или хотя бы уважать. И даже похвалила несколько моих выступлений... Телксиепию пропустила с ее страшилкой про смерть в облезлой больнице... Вот здесь - опять прикрыла меня со спины... Тут - отметила наши красные платья! Надеюсь, ты понимаешь, что

означает, когда одна женщина, которая ненавидит другую, хвалит ее платье?

- Думаю, это означает, что платье неудачное и его немедленно надо выкинуть, - съязвил Николай.

- Только не в ее случае, она не может лгать! – расхохоталась Эрато. - Мой манёвр с письмом деятелей культуры был прост: дала текст письма, напостила прежние интервью с тобой, отошла на исходную позицию. Затем в социальных сетях должны были выйти работники моего агентства, изображавшие абсолютно несвязанных со мной пользователей сети. Их задачей было выстоять в комментариях, потому что...

- Потому что тебя в комментариях сомнут, - ухмыльнулся Николай.

- Узнают стиль! У меня же все равно стиль присутствует, а хвалить саму себя самой – жалко, согласись!

- Соглашусь! – пожал плечами Николай.

- Вот, читай! Пока пишет не она, но на ее ресурсах ни одно слово не возникает без ее ведома. Эвтерпа поддерживает мою сотрудницу, начавшую пиарить мои публикации о тебе.

В Николае покоряет умение говорить с женщиной и его потрясающий такт. При такой фантастической разнице в исполнительском мастерстве, стать совершенной (от совершенства) рамкой для партнерши. Господи! Да как же это мужественно, в конце концов! ... Простите, увлеклась... И если бы я одна! Жутко завидую нашей известной журналистке, она, оказывается, лично познакомилась с Николаем ещё лет восемь назад, брала у него интервью для передачи «Разговор по существу».

- Ну, вот говорят, что тебя с огромной любовью могут поставить на пьедестал, но потом с еще большей любовью тебя с этого пьедестала скинуть? Это так взаимосвязано...

Николай: Взаимосвязано. Но я думаю, что актеры — не политики, их не так скидывают, по-другому всё получается.

Давно не смотрю телевизор и о том, что она поддерживает Николая, узнала недавно на личной страничке одной девушки (Интернет — это большое «сарафанное радио», технологии пришли на помощь женскому стремлению посплетничать).

Так вот, о несколько странной поддержке нашей известной журналистки прославленного премьера. А propos, многозначное слово в данной ситуации. Обычно на сцене поддержка — это профессиональный удел Николая. А вот за её (сцены) пределами на неё (поддержку) способны и очаровательные хрупкие женщины.

Знаете, в наше время страшно становится, когда слабое (по своей природе) создание пишет у себя в журнале: «Парадоксально, но с театром произошла именно такая история. Реконструкционные работы стоили более миллиарда долларов (этой суммы хватило бы для строительства современного аэропорта), а на выходе мы получили замену исторических деталей интерьера на дешевый новодел, золотую краску вместо сусального золота и штукатурку на стенах, которая уже успела потрескаться. А вместе с этим — периодически ломающийся механизм сцены и неудобные репетиционные помещения для артистов, где балерины во время поддержки партнером бьются головой о ставшие низкими потолки, а полы покрыты скользким кафелем, по которому они скользят, как настоящие лебеди по замерзшему озеру.»

- Ну, и что? Обо мне многие пишут, - нерешительно сказал Николай.

- Так о тебе еще никто не писал, почитай сам, - с этими словами Эрато открыла какой-то «огуречный сайт», где Николай увидел прекрасно оформленную статью о себе самом.

- Что это? – спросил он в растерянности.

- А это выстраиваются сайты ее ресурсов на твою защиту, дорогой, - пояснила Эрато. – Никто из моих сотрудников не выдержал и недели нападков, многим пришлось закрыть свои сетевые

журналы. Кроме тех, куда вышла Каллиопа с сестрами. Здесь ты видишь, как она уничтожает в комментариях команду наемных блогеров, вышедших тебе очернять. Надеюсь, ты можешь заметить, насколько хорошо организованы и отлично информированы все, кто выступает против тебя, дорогой Коля! Затем сестры Каллиопы вынимают цепочку комментариев – и вставляют ее в свои статьи.

- Она меня защищают, да? И выглядит... объективно, - заметил Николай. – Выгляди вроде бы не жалко, правда? Читаешь иногда: «Ах, когда вы его оставите в покое?» Становится не по себе... от такой защиты. Но я такое видел однажды! Мне как-то это показывал бывший директор балетной труппы, сказал, что эта женщина «орет по любому поводу, хоть уши затыкай».

- Да не орет она! – отмахнулась Эрато. – Хотя многие, у кого рыло в пуху, слышат именно крик. Это так и называется «Крик Каллиопы»! Заметь, у нее основной сайт - по государственному управлению. Она же – Царица муз, следующая за царями. Тебе надо будет следить за каждым ее словом и действовать так, как она напишет! Лучше всего, просто повторять все ею написанное о тебе. Ты хороший ученик, вот и повторяй ее слова, как повторяешь движения. Артистично, искренне.

- А нельзя ей просто написать? – спросил Николай. – Что это за тайны мадридского двора?

- Тебе нельзя с ней общаться напрямую, все уже сделано, чтобы ты сам к ней не сунулся, - пояснила Эрато. – Ее уже обвинили в экстремизме, фашизме и еще в каком-то «изъеме», хотя у нее зять – араб, а она сама из многонациональной семьи.

- Боже мой! – не на шутку испугался Николай, кого ты мне подсовываешь?

- Я тебя ей подсовываю, все наоборот! – огрызнулась Эрато. – Вот когда тебя будут бить по национальности, тебе никто не поможет, кроме нее. Смешно, но ее авторитет в этой области после «экстремизма» - абсолютно непререкаемый. С ней вообще много смешного. Представь, ее судили за экстремизм, хотя она состоит в партии власти. Это показывает, по меньшей мере, несогласованность, отсутствие общего курса, какое-то... постороннее вмешательство. С одной стороны, против нее начинают уголовное преследование, а как общественную фигуру – ее принимают в партию «Единая Россия». Начинаешь понимать? И когда у нее проводят обыск, находят партийный билет и удивляются, но не останавливаются, не пытаются разобраться.

- Наверно, это и есть настоящий ужас, - заметил Николай. – Всем наплевать на действительные поступки человека. А Мольер правильно говорил, что все мы говорим приблизительно одно и то же, а отличаемся лишь поступками. Но здесь и текст... как-то иначе выглядит.

- Не только выглядит, но это и работает как-то особенно! Обрати внимание, что здесь рассматривается вся аргументация тех, кто сразу отреагировал на выставленное мною письмо. В ходе полемики она уже ставится... заведомо ложной, будто проявляется вся! Но особенность ее методов в том, что больше к этим аргументам противник вернуться не может даже на других ресурсах.

- «Противник»? – недоверчиво поднял брови Николай.

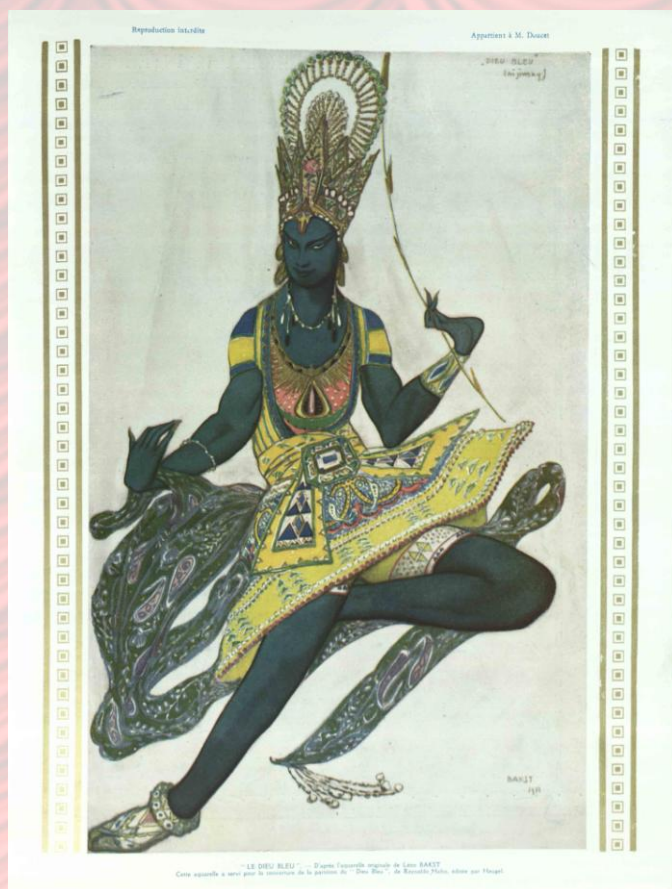
- Да уж не «ряд доброжелателей»! – разозлилась Эрато. - Поверь мне, против тебя начата весьма дорогостоящая информационная война! Но посмотри, во что превращается на наших глазах! В фарс! «Мягко, по-женски», как любит говорить Каллиопа. Кроме того, сестры отвлекают всех твоих недоброжелателей на свои «огурцовые» ресурсы, давая нам передышку. Прости, Николай, это настоящая война!

В его публичной профессии пресса имела огромную важность, а пресс-служба театра намеренно не выпускали даже DVD балетов с его участием, не говоря уж о каких-то публикациях в средствах массовой информации. Напротив, пресс-служба намеренно неправильно переводила зарубежные публикации, подавая их в негативном свете. Он хорошо знал, насколько жестокой может быть упомянутая Эрато «информационная война» - против отдельно взятого человека даже с его уровнем мастерства и набором его регалий.

Иногда руководство театра не затрудняло себя и переводом иностранных статей, огульно заявляя, будто он провалил выступления на гастролях. Хотя все знали, что делается это

нарочно, что это было, мягко говоря, не так, но кому надо было спорить или опровергать сказанное? Подобные доказательства были слишком унижительными именно для его статуса. Сколько раз он просил знакомых журналистов и критиков написать о нем доброжелательно и объективно... все было бесполезно. Он жаловался, намекал, уговаривал, раздражался, высказывал претензии, но... его лишь хлопали по плечу и советовали «не обращать внимания». Однако это становилось невозможным, с растущим негодованием он читал о себе новый пасквиль, чувствуя, как все его усилия уходят в песок. Впрочем, после долгих просьб и уговоров друзья ему все же создали персональный сайт, которым он не был доволен, видя, что материалы редко просматриваются, а посещаемость ресурса падает, а не растет. На черном фоне мелким шрифтом шли его воспоминания, которые ему самому было неинтересно читать. Он поинтересовался, почему все такое черное и скучное, а его знакомый, занимавшийся сайтом, рассмеявшись, ответил, что он и сам – черный, а классический балет – это не так захватывающе, как видеоигры. И Николай махнул рукой на свою персональную страничку, выполненную в стилистике игровых сайтов.

На ноутбуке Эрато «огуречные» сайты выглядели достаточно современно, без жуткой навязчивой рекламы. С предубеждением взглянув на публикации о себе, он был вынужден признать, что это статьи - нового типа, какие можно было разместить только в Интернете. Здесь использовались все преимущества виртуальной среды. Цитаты были красиво выделены, они не сливались с текстом и снабжены необходимыми ссылками. Сама публикация удачно оттенялась роликами и фотографиями. Любой читатель мог составить собственное объективное мнение, но вдобавок развлечься, получить удовольствие. Это был новый вид досуга, объединявший литературу, журналистику и телевидение, само по себе являвшееся синтетическим видом творчества. Особая ценность статей была в том, что в них рассматривалось большинство негативных критических откликов, сразу же последовавших после истории с письмом деятелей культуры.

Пожалуй, назвать это «критическими откликами» было бы слишком мягко, это была настоящая грязь, до которой раньше его недруги все же не доходили. В последнее время он удивлялся про себя, почему столь неприличные статьи и заметки перестали причинять ему боль, вообще затрагивать его. Интересно, что в интервью ему все чаще стали задавать вопросы, задевает ли его мнение окружающих. Причем он не мог не слышать в этих вопросах искреннего деловитого любопытства. Это напоминало ему посещение кабинета дантиста, спрашивающего, испытывает ли он боль при его манипуляциях во рту.

Журналистам он отвечал словами своего любимого педагога, бывшей балерины еще императорского театра, которая всегда говорила, что ей абсолютно все равно, что о ней скажут. Повторить не только слова, но и самый прыжок для него не составляло труда. Но как он завидовал своей русской учительнице, когда его душил кавказский темперамент при чтении явной лжи, очередного оскорбительного поклепа.

А в последнее время ему начинало казаться, будто за долгие годы проживания в Москве – он действительно стал холоднее и куда менее восприимчивым... к откровенной подлости. Может

быть с возрастом прошла эта привычка внутренне взрываться от окружающих гадостей, направленных на него лично. Но сейчас, читая статью «огуречного» блога «Страсти по Николаю», он понял, что на самом деле весь яд очередных пасквилей до него уже не доходил. По театральным сплетням он знал как, ждали в администрации театра статью очередного «критика балета», с недобрыми предчувствиями понимая, что ничего хорошего о себе он не прочтет. В блоге он впервые увидел, как весь яд, заложенный в несправедливые и абсурдные упреки, которые и опровергать не имело смысла, - полностью... обезвреживается. Это походило на аккуратную работу сапера, вынимающего запал взрывного устройства. Или на выдиране ядовитых зубов у ехидны. Причем все эти усилия не отлавливались глазом, но в результате получалась не обычная скандальная сетевая полемика, а достойная статья, написанная в прекрасном консервативном стиле, легким языком и с большим чувством юмора.

...Иногда кажется, что эта эпистолярная зараза пропитала все вокруг. Кто только письма нынче подряд не строчит, остановиться не может. А тут письмо-то написано было не простое, а с предложением деятелей культуры поставить во главе главного театра страны нашего прославленного премьера классического балета.

И пошла писать губерния... Через какие-то особые каналы сии ноябристы возбудили нашу сетевую «колумнистку» Блажену, а уж Блажена-то свое дело знает! Как только она представила, что «в доску свой» Николай превратит театр — в храм искусства, которое Блажена не любит, не понимает и боится в нем опростоволосится... что даже попыталась выдать из себя пару более-менее членораздельных «разоблачительных» тирад, вместо ее обычного определения «дуся/не дуся».

Интересно, что ее статья называется в духе детективных историй «Предостережение». Блажена никогда не скрывала, что считает вполне приличным служить «рупором» для тех, кто больше подаст на поддержание высокого звания «светской львицы». Только непонятно, кто и от чего предостерегает этим «рупором», если о самом письме деятелей культуры широкой публике стало известно, спустя две недели после продления контракта с директором театра? Назначение свершилось, так по какому поводу этот наигранный пафос? Неужели самой Блажене не ясно, что через две недели после состоявшегося назначения - Николая уже никто не назначит? Какое может быть «предостережение»?

Но, похоже, не зря она устроила такое рев на весь Интернет: «Делать этого ни в коем случае нельзя, несмотря на мою личную симпатию к Николаю. Николай — свой. Поэтому за него и просят деятели культуры. Он — тусовщик. Но у него нестабильная психика, на репетициях он дергает молодых танцоров, впадает в истерики. Нынешний директор — идеальный директор театра, лучший из всего, что только возможно в России. Дай Бог ему продержаться подольше».

До Блажены это письмо опубликовал бывший министр культуры, сообщивший, что письмо в Администрацию Президента об известном премьере балета, безусловно, написано «его кумирами», но нельзя же вот так, с плеча, ей-богу! А из Администрации Президента вежливо ответили, что они не только не собираются читать письма его «кумиров», они даже колонку Блажены никогда не читают.

СМИ удалось выяснить, кто был «кумирами» бывшего министра культуры. В интервью они подтвердили свою поддержку обращения, однако опровергли информацию о просьбе снять с должности прежнего директора: «В письме выражалась поддержка кандидатуры Николая на освобождающееся место генерального директора театра», — рассказали они, а многие, отмечая упущенное время из-за игнорирования письма в Министерстве культуры, резюмировали: «Я полагаю, что Администрация президента указала нам на наше место». Как говорят подписанты, письмо поддержали и другие ведущие театральные деятели, однако их имена газетам раскрыть не удалось. Сам

премьер отказался от комментариев, а опрошенные СМИ руководители музыкальных театров были удивлены новостью о существовании подобного письма».

И раз уж все написали письма о нашем замечательном премьере, так чем мы-то, собственно, хуже бывшего министра культуры? Да мы неизмеримо лучше! Поскольку никогда не делали такого, что для бывших министров культуры — просто семечки. И раз все равно никто писем о замечательном танцовщике не читает и не прочтет никогда, так и стесняться мы тоже не станем.

- Но посмотри, основа их аргументации, как ты говоришь, то самое письмо деятелей культуры, опубликованное тобой с подачи нашей дивы. Если учесть, что и написано оно было с ее подачи, так это уже... выше моих сил, - простонал Николай.

- Да, рассматривается важный вопрос! – подтвердила Эрато торжественно. – Обсуждается, можешь ли ты править! Это вопрос Каллиопы! Никто не избегнет ее решения, стоит только задать этот вопрос, и как раз в этом был гениальный расчет Полигимнии. Она на твоей стороне, поэтому неважно, кого попытаются поставить над тобой, власть их над тобой закончилась.

area_dri *Лично я всеми руками и ногами против кандидатуры Николая. Сильно сомневаюсь, что он сможет управлять театром!*

ogurcova *Все путают роль директора и завхоза, не понимая, насколько неприлично, когда в роли директора театра выступает завхоз. Сколько гадости и интриг от такой несуразности! Это нелепость! Просто нынче так уж все перепуталось в головах... кардиолог от имени государства налаживает лизинг комбайнов и руководит сельским хозяйством, торговец табуретками вдруг возглавляет министерство обороны! Да уже ни в какие ворота! Я там выше прочла, будто наш прославленный премьер «не может править»! Да это свинство, когда звездой балета «правит» завхоз!*

area_dri *А то, что завхоз (как его не назовите — управленец, менеджер и т.д.), может тоже быть человек с высокой культурой и помимо менеджмента прекрасно разбирающемся в искусстве и театре — такого вам в голову не приходило? И самому же Цискаридзе будет удобно, когда ему дают танцевать, ставить, преподавать (ну или чем он там ща занимается), а не разгребать дразги и подписывать договоры. Если уж он такой человек искусства, то ему скорее как раз хочется заниматься искусством, а если он так активно лезет в руководители, то это, простите уж, просто желание быть «поближе к кормушке».*

ogurcova *Не надо наезжать в таком тоне! В мою голову много что приходило. А вам не приходило в голову, что подобных завхозов видно насквозь?*

Я ежедневно разгребая дразги и подписываю договоры. А как строитель, я очень хорошо знаю о том, что прикрывает этот завхоз в связи с «реконструкцией, а по сути — уничтожением национальной святыни. Но заговорил об этом не завхоз, он и далее будет помалкивать в тряпочку.

А вам следовало бы не рассыпаться в эпитетах к завхозу, а выбрать более пристойный предмет для обожания. Понимаете... главное ведь здесь отнюдь не знание практики или экономики. Вот я это знаю, а вы, уверена, нет. Потому и наезды соответствующие.

Но все же главное здесь нравственная сторона. И здесь я как писатель могу совершенно безошибочно вам сказать, что иметь завхоза директором Большого — крайне безнравственно!

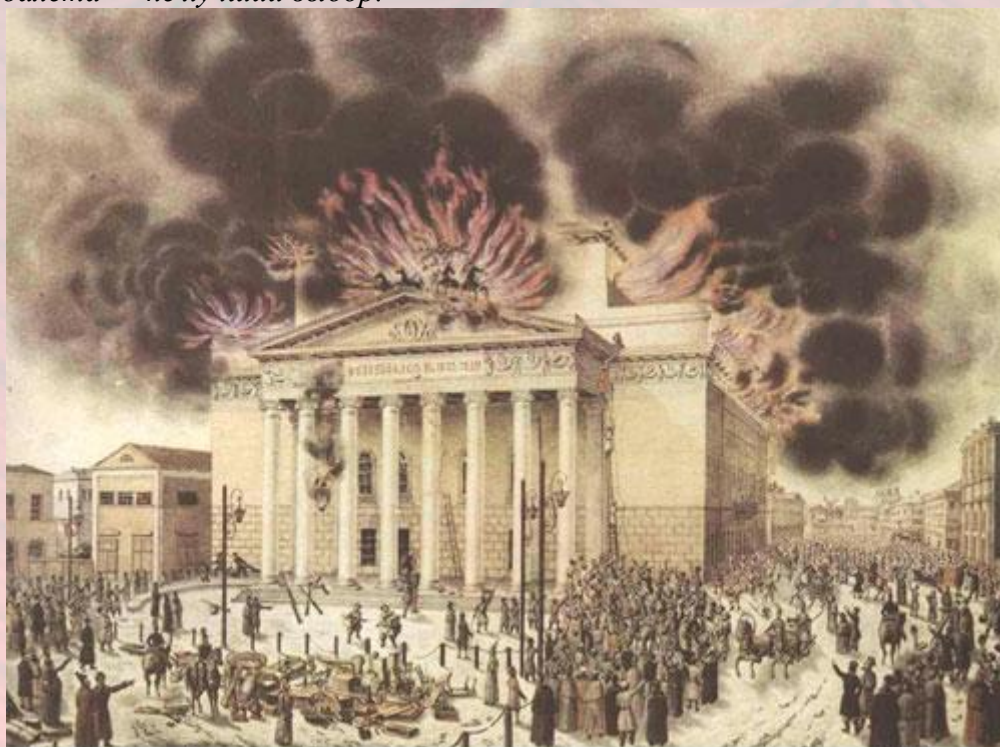
area_dri *Да, тяжело говорить со строителем и писателем в одном лице, видящем насквозь, да еще и так хорошо и уверенно дающем указания, кого же стоит любить, а*

кого нет. Кроме завхоза в качестве директора Большого, наверняка, по-Вашему, еще и на алтаре петь крайне безнравственно, да?... В тюрьму его, в тюрьму, ежели уж по-нравственному-то... Ведь для театра самое важное не успешность, посещаемость и мировое признание, а нравственность, да....

Р.С. И покажите, пожалуйста, в моем сообщении хоть один эпитет какому-нибудь конкретному завхозу?

Ну и заодно, кого же стоит выбрать в качестве предмета для обожания?

Р.Р.С. Если Вам все еще интересно по делу, то заметьте, что я ни слова не говорю о том, что стоит оставить именно этого человека директором театра. Я просто говорю, что премьер балета — не лучший выбор.

Пожар Большого Петровского театра. Литография с рис. Э. Лилье. 1853 г.

огурсова В качестве строителя мне пришлось многое потерять на разборе обрушения покрытия аквапарка «Трансвааль», когда я последовательно доказала, что фундаменты ни при чем-с, а так же не было никакого «теракта». Потом были разборы монолитного строительства (не говоря о Басманном рынке) — сейчас в мск 600 домов поставлено на ремонт. А все это расплзлось по всей стране!

Про писательство упомянула лишь в том смысле, что не чужда, исключительно, чтоб вы тон сменили. Но если начну перечислять... тут ведь тоже немедленно выявится достаточно грязная ситуация столичного междусобойчика, узурпирующего взятое не по праву, ворующего время и силы огромной страны. А жизнь-то человеческая отнюдь не бесконечна! Она очень коротка! И сколько я слышала от обитателей столицы: «Ну, ты же понимаешь, он ведь слабенький, он же не сможет больше нигде жить!» — вот в точности так же, как вы сейчас занули «в тюрьму его, в тюрьму». А где я об этом говорила?

Требуя дословного разбора того, что вы говорите — научитесь вначале с уважением относиться к тому, что вам говорят другие. Не столь уж важно ваше мнение, уверяю вас. Наша жизнь сегодня сложилась так, что мнение нашей известной журналистки — намного выше. И к этому положению вещей вы приложили руку, вовсе не я.

И не стоит лгать-то себе самой по крайней мере. Это счастье, что у нас в России нашелся такой кандидат, как премьер балета. Пока он жив, пока он может работать, — так надо хотя бы не плевать ему в спину! Ведь вам же потом будет плохо, понимаете? Вот сейчас солжете, а после времени это исправить — не будет.

Вы же считаете, что сейчас разговариваете уж точно не с «писателем». В точности так же, как вам типа можно оскорбить звезду балета, который прямо на сцене лепит образы. Но за тем, что вы предлагаете — никогда не будет ни мирового признания, ни посещаемости, ни успешности. Вы же выступаете за голимую серость! Вот и вся ваша «нравственность».

- Ну, начинается «немного о себе», - невесело усмехнулся Николай. — Я уже понял, что рассказ о балете, о моем творчестве — только предлог, чтобы рассказать о себе.
- В данном случае ты не совсем прав, - заметила Эрато. — Во-первых, она еще ничего не пишет о тебе вообще, она лишь выпытывает все аргументы против тебя. Но при этом она обозначает свои позиции, называет себя. Как раньше называли перед боем «Я, сын такого-то, победивший того-то!» Посмотри, наиболее слабая твоя позиция — по реконструкции театра. Сразу признаю, что не очень тебе помогла своим высказыванием, по крайней мере, не смогла подкрепить твою позицию. А теперь перечти сказанное ею! Тебе перевести сказанное? Она говорит, что полностью подтверждает твои слова о реконструкции и готова отстаивать их до конца. Полностью заслоняя тебя, когда ты «немножко говоришь о вандализме», опасаясь профессиональных вопросов по существу.
- Но если она действительно Каллиопа, то почему она не может прямо сейчас прекратить все это? — в отчаянии проговорил Николай.
- Думаешь, ко мне не приходят сожаления? Что ты хочешь услышать от меня? Что я первая вышибла у нее все позиции? Я тебе уже сказала об этом, - тихо выговорила Эрато. — Это вы встретили горгону в раннем детстве, потом долго постигали основы классического искусства, ежедневно работали... В таких жерновах сложно удерживать в памяти то, кем являешься на самом деле. А я встретила со Сфейно вполне сложившимся человеком, а потом испытала силу золотого песка. Поэтому знаю, что нынешнее «Время гарпий»...

Стоило ей сказать «Время гарпий», как треском погасла лампочка прямо напротив нее, слева у большого гримерного зеркала. Остальные помигали, но не погасли, однако стали светить вполнакала. Эрато, поежившись, отодвинулась от зеркала, повернувшись к нему спиной.

- А представь, гримируемся мы между сценами, лаком волосы покрываем! У нас здесь нечем дышать, окон нет, лампочки гаснут! — с раздражением прокомментировал проблемы со светом премьер.

- Коля, это не так просто, - ответила Эрато, все так же опасаясь оборачиваться к гримерному столику. — Больше не стану это говорить вслух. Думаю, они стали слишком сильными и одерживают одну победу за другой, потому что прежде младшие музы никогда не объединялись со старшими сестрами. Смотри, сегодня зашла в книжный магазин...

- Ты по книгам гадаешь? Неужели читать начала? — вставил колкость Николай.

- Не перебивай, лучше посмотри, что я там

купила! — сказала Эрато, доставая из бездонной сумки черный фолиант, на котором золотым тиснением было нанесено лишь название «Время гарпий». — Вот это лежало на стенде «Наши бестселлеры», очень хорошо продается, как похвастались работники магазина. Уже есть компьютерная игра по этой книжке, есть сайты, посвященные... *этим.*

- Тоже что-то вроде «информационной войны», - сказал танцовщик, задумчиво рассматривая черный том с иллюстрациями Доре. – Это уже удар против самой Каллиопы, литературы в целом.

- Ну, литература - это особая ткань, даже если она плохая, она все равно отразит не только чаяния ее возможных потребителей, но и приметы времени, которыми живет ее автор, - заметила Эрато. - Пусть на уровне расхожих шаблонов, каких-то бытовых рассуждений, убогих мнений... но он что-то такое вытащит, как только попытается творить словом. Ты понимаешь, что кроме этой книжки в магазине оказался целый стеллаж про *них*! Они хотели сделать покупаемую книжку – и все, как один, решили писать про *такое*! Твердо зная, что эту книжку непременно купят. Там, конечно, полная чушь, но сам факт характерен, как ты понимаешь. И там еще было множество репринтных изданий старинных книг.

- Все же здесь есть одна проблема, - немного застенчиво ответил премьер. – Ну, не чувствую я себя каким-то «музом»! Неловко это все как-то...

- Конечно, вы чувствуете себя музами на сцене, вдохновляя целый зал. Но что происходит, когда вы сходите с нее?

- Нас просят писать друг на друга доносы, нас травят, как бешеных собак, за каждый выход требуют платить процент с гонорара, - с закипающим гневом сказал премьер. – А каково выходить на сцену с нашей «скорой помощью»?

- С...с кем? – переспросила Эрато.

- У нас есть «скорая помощь» - это девушки из кордебалета, которые соглашаются пойти на свидание к олигарху, высокопоставленному чиновнику...ну, сама понимаешь, - уклончиво пояснил Николай. – У нас же все девушки – писанные красавицы, как правило, все молоденькие... Но далеко не все одинаково талантливые. «Скорая помощь» - это девушки, решившиеся на подобную «карьеру» абсолютно трезво и расчетливо. Их потом ставят в первый ряд или дают какую-то роль в благодарность. Поверь, это самый настоящий «ужас-ужас-ужас».

- Помнишь, как тебя лишили ставки преподавателя? – напомнила Эрато. – Я сама тогда вела репортаж, сказав, что «дело» премьера балета началось с ремонта Большого театра, когда ты вдруг напугал общественность тем, что сказал правду о том, что он там увидел, все, что касается ремонта, затраченных средств и, главное, результатов этой работы. Конечно, это не могло остаться без последствий и в итоге тебя Николай отстранили от должности преподавателя.

- Педагога-репетитора – поправил ее премьер. – Но, признаться, все началось, когда я отказался подписывать бумагу, будто Ляля Владимирская растолстела, а я ее поднять не могу. И как только отказался эту гадость про нее писать, так уж что бы ни делал, как бы ни старался... Все уже не имело смысла. Скажу без обид, но Владимирской ты, конечно, гадость сделала, оставив у нее такую опасную вещь. Очередную гадость. А у нее и мама... гм... такая же... наивная, а еще у нее, повторю, дочка маленькая. Сама же говоришь, что за часами охотятся мифические чудовища. Ляля у нас никогда умом не блистала, хотя я не понимаю тех, кто с такой чудесной красивой девушки требовал интеллект Сократа. Но она никогда никому не делала гадостей, всегда была доброй, нежной, готовой помочь! Хотя у нее было время, когда она «звездила» в театре, я прямо ей об этом говорил. Был такой период. Но сейчас прятать в ее доме такую вещь... это за гранью добра и зла, извини.

- Да можешь не извиняться, - мрачно пробормотала Эрато. – Я и сама понимаю. Перегнула тут палку, конечно. Но решила еще немного пожить и попытаться хоть что-то исправить. Давай все же вернемся к этому расторжению контракта. Мне просто надо понять, что хотя бы ждать в дальнейшем! Ты хотел на полставки, насколько я понимаю, всего лишь 6 тысяч рублей в месяц. Это же не деньги для тебя! Ты же оставался ведущим солистом, премьером театра. Ну, а что касается должности репетитора, поясни мне, почему это было для тебя важно?

- Понимаешь, в балете у нас обязательно должен быть педагог – это специфика профессии, - привычно пояснил ей Николай. - Есть разные специфики, есть педагоги, которые ведут уроки,

класс. Ну, так скажем, как разминку. Есть педагоги, которые работают исключительно с солистами, с премьерами, с ведущими солистами. Есть педагоги, которые ведут репетиции с гротесковыми персонажами, с мимическими, с характерными. А есть педагоги, которые работают с кордебалетом. Это абсолютно разная специфика, но тут вот в данной ситуации я был тем педагогом на протяжении семи лет... Это не то, что все вот это, там меня взяли на испытательный срок, а я не выдержал испытание. Я вел класс все эти годы, включая последние, работал еще и с солистами, с молодыми артистами, которых готовил в разные роли.

- А говоришь, будто ты – не муз, - усмехнулась Эрато. – Это они целенаправленно в тебе Мельпомену пытаются притушить, чтобы ты ее в себе не почувствовал. Жалко им было 6 тысяч, что ли? Нет, тут тебе специально ударили в самое сокровенное! А у тебя ученики успехи делали?

- Ну, да, конечно, - пожал плечами Николай. – Многие мои ученики награды получали. У меня вообще первый опыт был очень удачный в том плане, что мальчик, которого я взял просто из кордебалета, сразу же выиграл конкурс в Перми. Там ему дали и первую премию, золотую медаль, и еще несколько премий разных «симпатий». И потом он стал обладателем премии «Душа танца», и обладателем «Молодежного триумфа»... ну, очень ярко сразу же появился.

- Как я понимаю, работа в качестве преподавателя, хореографа, учителя – это одна из возможностей как-то свою жизнь устроить после того, как вы заканчиваете танцевать? – спросила Эрато. – Просто видела, что у тебя во флаконе песка было лет до семидесяти, я даже позавидовала.

- Ну, когда я пришел в театр, то попал в класс к моей любимой музе, великой балерине нашей страны, - с теплой улыбкой сказал Николай. – Вот у кого было золотого песка до девяноста лет с хвостиком! Первое, что она мне сказала: «Колька, надо думать о пенсии!» Ее заявление полностью совпадало с желанием моей мамы. Она, взяв мой красный диплом, просто отнесла его в институт, тогда отличников брали без экзаменов, мне не надо было поступать. В тот год класс набирал педагог, у которого я выпускался в училище. Вот все втроем они меня и заставили учиться. А потом так сложились обстоятельства, что когда мама скончалась, то все ее подруги кричали, как мамочка мечтала, чтобы я стал педагогом... ну, чтобы я выучился, чтобы имел высшее образование... Мне постоянно напоминали, что я просто обязан в память о маме это образование получить. Хотя не раз хотел бросить, было очень тяжело. Особенно, после смерти мамы, которая сделала все, чтобы я осуществил свою мечту. Она всем пожертвовала ради этого. Поэтому я и говорю, что танцую на костях своей матери.

- Коля! Видишь, они все просчитали! – взволнованно сказала Эрато. – Неужели ты думаешь, что жалкие шесть тысяч что-то значили? Они хотели ударить тебя, как можно больнее!

- Так ведь и ударили! Я год доказывал всем, что не просто имею диплом, у меня есть способности к этому. Меня же муштровали не только в институте, но и в театре, меня учили по-настоящему. А мой педагог сколько работала со мной! Она долго преподавала! И когда ей уже было 93 года, она потихонечку... Ну, она часто не приходила. Она заявила всем, что если не будет приходить, то ее класс буду вести я. И когда она перестала приходить вообще... В свой день рождения, в 95 лет она провела последний раз урок, пришла в театр на свой юбилей и больше в театр не зашла. Вот с того дня я вел класс постоянно. Ну, так как мы все были, артисты, солисты, в основном, кто к ней ходил, и потихоньку-потихонечку возник вопрос, а почему я это делаю, имею ли я на это право? После чего мне пришлось сказать: «Ну, тогда оформите меня». А сами предложить не догадались, конечно. Оформили на полставки, а уже потом в дальнейшем уже появились и люди, с которыми я стал репетировать. При этом все, что

я делал последние годы, это было по просьбе директора. Ну, допустим, появилась у меня недавно ученица Геля Воронова. Она тоже выиграла конкурс в Перми. Наша прославленная балерина увидела ее на конкурсе и решила взять себе. Девочка была из провинции, но, к сожалению, наша прима скончалась, как ты знаешь. И вот по просьбе того же директора я с этой девушкой уже третий год занимаюсь. Все устраивало всех. А потом начался какой-то кошмар... Я понял, что кому-то меня надо растоптать, наказать, унижить... Не знаю, как это назвать.

- Вот отсюда давай подробнее! – среагировала на что-то Эрато. – Значит, появилась какая-то девушка, ты начал заниматься, а потом возник кошмар?

- Ужас-ужас-ужас! – подтвердил Николай. – Вначале мне прямо у трапа самолета передали отказ одного моего ученика. Потом из дирекции стали звонить, говорить, будто все отказываются со мной работать...

- Как это было с Владимирской, а ты не подписал, – напомнила Эрато. – Коля, а эта девушка Геля, она подписала?

- Нет, она не подписала! И очень талантливая, очень!

- Улыбчивая, все время смеется и ни на что не жалуется? – поинтересовалась Эрато.

Николай только утвердительно кивнул в ответ, но, как только он вспомнил Гелю, его лицо тут же озарилось улыбкой.

- Видишь, мы еще одну причину обнаружили! Это – Талия! – подытожила Эрато. – Нападки на тебя будут, вы опять собрались втроем!

- Как это?

- Раньше были Полигимния, Терпсихора и Мельпомена. Затем выгоняют Владимирскую, но пока ты неопасен! Но как только появляется эта Геля, так тебе житья не стало, а главное, делается все, чтобы запретить тебе преподавать! – торжествующе закончила Эрато. – Значит, и Талии теперь придется туго.

- Как мне все это надоело, ты не представляешь! И все ко мне пристают: «Вы же существуете в конфликте!» Да невозможно уже жить в этих интрижках и подлых ударах в спину! Мне говорят «Вот, вы уже критикуете!» Я не критикую, а говорю то, что вижу и чувствую. Мало того, насколько я знаю, многие люди уже высказались и в Интернете...

- О, наша Мельпомена уже начинает понимать силу Интернета? – насмешливо спросила Эрато. – Когда нас чуть-чуть не разбили на этот раз в Интернете, грешным делом, подумала, что нам очень повезло, что Каллиопа что-то там значит. Там все сохраняется, это ведь не радио, не телевидение, а уж тем более – не газета.

- Многие люди наоборот звонили на радиостанции, писали, мне тогда в прямом эфире хамили и оскорбляли. Но они не правы. И это увидели все, – не слишком уверенно сказал премьер. – А вот это мне очень напоминает... гладиаторские бои.

- Поверь, без Интернета никто ничего не увидит. И без Каллиопы, конечно, - заметила Эрато. – Но это действительно виртуальные гладиаторские бои! Ты в курсе, что на античные арены выходили и гладиаторы-женщины, называвшиеся амазонками? Списки победителей игр свидетельствуют о том, что силой и храбростью они часто превосходили мужчин. Одна из таких амазонок сражалась на колеснице, а гладиатор Ахиллия лучше всех современников владела мечом.

- Я знаю, что участие женщин в смешанных боях считалось непристойным зрелищем, - с улыбкой заметил Николай.

- Так многие и балет считают в чем-то весьма «непристойным зрелищем», заранее считая всех балерин... сам знаешь кем, - парировала Эрато. – Кстати, сколько человек насчитывает ваша балетная труппа?

- По-моему, около 230, то ли 240 человек, - настороженно ответил Николай. – Станешь спрашивать, почему меня никто не поддержал? А как они могут поддержать? Их уволят или сделают жизнь невыносимой. В прошлом году у нас было... много чего. Вот у нас существует балетный профсоюз, который возглавляет ... художественный руководитель, а его заместитель – его заместитель и в профсоюзе. И когда в прошлом году было собрание, где артисты требовали, чтобы они оставили должность профсоюза, потому что профсоюз – это важная организация, не смогли добиться. Парень, который громче всех выступал, его просто сняли с ближайших спектаклей.

- Так-так, - задумчиво сказала Эрато. – А что это за парень?

- Он еще и парень Гели Вороновой, Талии, как ты ее называешь. Фамилия его Игнатенко. Мало того, что у нас профсоюз возглавляет худрук, он же толком не работает, к девочкам пристаёт. Решил тут сам возглавить «скорую помощь», девчонкам объявил, будто скоро станет генеральным директором театра. У нас принимаются на работу в качестве преподавателей люди без высшего образования, что, опять-таки, невозможно. И дальше на другие должности тоже. А тут получается, самого именитого артиста в своем поколении – унижают перед всеми. Прости, что мне приходится хвастать, но больше наград, чем у меня, нет ни у кого. Мало того, я – человек с образованием, с опытом работы на конкретном участке работы, да? Вот так вот поступают. Вот это, конечно, удивительно.

- Да ничего удивительного, - ответила Эрато. – Лучше отдавать себе отчет, что дальше будет еще хуже! Скажи, а в театре ты можешь на кого-то рассчитывать?

Театральная площадь в день открытия Большого театра
Литография с рисунка В. Садовникова (л. 1). 1856 г.

- Ну, как? Меня все хлопают по плечу, мне говорят на ухо: «Держись», мне жмут руку... Мне было плохо, а наша дива попросила тебя опубликовать то злосчастное письмо... Мне все говорят: «Понимаешь, ты – известный, тебе можно, как бы, вот... Тебе можно бороться, а мы – неизвестные». И все в один день тоже могут оказаться в такой же ситуации.

- Скажи, ты жалеешь?

- Нет, я ни о чем не жалею! – твердо ответил Николай. - В основном, я был шокирован теми условиями работы, в которые мы поставлены. Ты имеешь представление, что такое в зоне сцены готовиться к выходу на сцену. Потому что балет – технически сложное искусство! Нужно обязательно пространство, определенное покрытие пола, не кафель, по крайней мере!

- Скажи, а промолчать о реконструкции театра ты не мог? – спросила Эрато, с тревогой прислушиваясь к каким-то скребущимся звукам за дверью. – Ну, чисто гипотетически хотя бы... Вот взял бы и промолчал! А?

- Да, я бы промолчал! – повысил голос Николай. – Так все думают, не понимая, что мне же здесь работать, все организовывать! Реконструкция театра осложнялась тем, что само историческое здание оказалось зажатым в плотной застройке. Расширять его в сторону нельзя, как это было сделано с Ковент-Гарденом и Ла Скала. У нас из-за этого и так были «карманы» очень маленькие, потому что так исторически сложилось при застройке. Хотя тогда это было самое большое театральное здание, а сейчас оно, к сожалению, не очень велико. И когда носят декорации жесткие, мы должны отодвинуться, а куда? Но главным персонажам необходимо распрыгаться, потому что наш выход на сцену начинается с прыжка. Это очень опасная для здоровья нагрузка, если не подготовишься. А здесь места нет даже, потому что тебе некуда приткнуться за кулисами. Но тут еще носят декорацию, а в коридор ты выйти не можешь! Там, где раньше мы имели хотя бы закуток, теперь положили кафель «для красоты» и «историзма», а на кафеле артистам балета прыгать нельзя. И так – чего ни коснись!

- Я пробовала как-то эти вопросы задавать в интервью, а мне сказали, у вас теперь есть 2 шикарных зала для разогрева... И я не знала, что добавить!

- Они никогда не отвечают мне лично, всегда за спиной, - тяжело вздохнул Николай. - Все заявления наших руководителей о том, как они нас благодетельствовали... просто обидная чушь. Ну, ты представь себе эти залы на шестом этаже! А сцена – на втором! Ну, понимаешь, что они просто издеваются?... Потому что никто из них не подумал об артистах. И потом это же производство, такое живое производство. И когда я об этом говорил, то ни разу не произнес сумму, во что это вылилось, ни разу не сказал о деньгах. Я ведь лишь говорил о том, что касалось самой организации спектаклей!

- Да, а про суммы сказали другие, Коля, не оправдывайся передо мной! Лучше посмотри, во что выливается обсуждение твоей борьбы за справедливость по пунктам и по существу.

С этими словами Эрато пододвинула ему ноутбук, где в статье одного из сайтов Каллиопы была приведена наиболее типичная дискуссия по поводу его претензий к реконструкции театра.

leonid

А по пунктам? А по существу? А без эмоций?

Вы же профессионал! А наш премьер - профессиональный балетный танцовщик. Так что по поводу ремонта - он балабол. Вот и расскажите мне, Вы, профессионал, в чём уничтожение национального достояния при ремонте? Что, советский ремонт был лучше?

А «расхищение национального достояния» я вижу в уродовании Советской Классики (балет «Пламя Парижа»). А сохранение «достояния» - это балет «Спартак», который я недавно смотрел. В том, что курилка в здании Новой Сцены - газовая камера- ошибка проектировщиков. А не злой умысел директора театра. Ну, так по пунктам? А по существу? А без эмоций? Ну, в чём уничтожение святыни? Да, кстати, если моё мнение Вам неинтересно, то что Вы так горячо реагируете? Что, у Вашего любимца Коли не может быть противников?

Отчего же советский ремонт был не лучше? Стало хуже? Да! Следовательно, было лучше.

ogurcova

Посмотрите интервью Николая!

Ну, вы ведь считаете, что по пунктам изложение технических мероприятий реконструкции и реставрации — вам доступно, поскольку вы очень умный и вам учиться не надо. Но вы никак не воспринимаете на слух главное: самому сооружению, имеющему статус памятника истории и архитектуры — нанесен непоправимый ущерб уже тем, что там были начаты работы без проекта (вы достаточно адекватны, чтобы понять сказанное?), они были остановлены, т.к. все деньги оказались... того. Потом, через длительное время был возведен «примерно такой же» новострой. С дешевой отделкой, с исчезнувшими навсегда приметами, которые можно было лишь реставрировать.

И как раз Николай показал в интервью, что не только хорошо знает историю театра, каждого его канделябра, но и имеет куда более культурное представление, нежели у вас — о реконструкции и реставрации.

Вы же человек по умолчанию некультурный, потому и вызываете негативные эмоции. Почему вы считаете, будто можете требовать объяснений, если уже вызвали у дамы негативные эмоции? Это ведь профессиональные объяснения, они, в конце концов, денег стоят! Всего вам доброго и удач в реконструкции частных сортиров!

leonid

Я понимаю, откуда у одной известной журналистки «любовь» к Николаю, - грузинская диаспора хочет поддержать своего. Но вы то, как строитель, понимаете, что лучшим директором театра может быть только один грузин - тов. Сталин И.В.?

ogurcova

Мне кажется, вам надо обратиться к хорошему специалисту и полечить свои национальные пристрастия в искусстве. Ведь здесь, чем больше «диаспор», тем интереснее, богаче. Впрочем, возможно как раз ваша патология и не лечится. Неважно.

Главное ведь, чтоб «руководящая диаспора» не была типичной воровской сходкой. А в данном случае, необходимо убрать из руководства всех, кто был причастен к уничтожению святыни национальной культуры, а иначе «реконструкцию театра» не назовешь. И пробежки бывшего министра культуры, ответственного за разворовывание средств на реконструкцию, меня заботят куда больше, чем заступничество нашей известной журналистки.

Николай — вненациональное и вневременное явление. Немного «защитить» такое лестно всем, поэтому я целиком и полностью понимаю эту журналистку. Я счастлива, что он не подвергся «реконструкции» и держится до сих пор.

- Как видишь, то, что ты никого в воровстве, в коррупции не обвинял, тебе ведь не помогло! – заметила Эрато. – А обвинить без документов, без улик и доказательств может лишь специалист в реконструкции. Даже в этом плане тебе станет легче. Как ты не пытаешься высказываться осторожнее, а ведь без внимания сказанное тобой в любом случае не останется.
- Да, я сказал, что те люди, которые подписали этот проект в свое время, они, ну, совершили определенное преступление против этих строительных профессий. Не говоря уже о том, что, как бы... совершили вандализм. Но старался ничего не говорить против тех, кто хоть что-то построил на месте зиявшего котлована...
- Коля, а какая разница? Или ты по своей наивности думаешь, что сюда пустили бы кого-то чужого? – разозлилась Эрато. – Какая разница? Вначале кормились одни, потом пришли другие. Ты заявил, что многие вещи исчезли из исторической части, и вся эта реконструкция выполнена против логики ваших профессий, без учета постановочной деятельности.
- Я все время подчеркивал, что те люди, которые в 2009 году, вот, компания, которая пришла и построила, они не при чем, они строили по тому проекту, который был, - упрямо сказал Николай. – А вот те, кто подписал проект, вот они должны нести большую ответственность за все!
- Ах, какой он умный, - рассмеялась Эрато. – Не трогайте его, он «в домике»! Прочти еще раз сказанное Каллиопой. Ты говоришь эту чушь, сразу же подставляя всех! Не было никакого проекта, понимаешь? Историческое здание ухнуло в этот жуткий котлован – вообще без проекта! И когда ты начинаешь по-балетному рассуждать о каком-то проекте...
- А, кстати, я ее же читал! – вспомнил вдруг Николай. – Читал статью про рухнувший аквапарк, она говорила, что за все должны отвечать проектировщики!
- Наверно, она правильно говорила, мне сложно судить, - отмахнулась от него Эрато. – Но здесь не было проектировщиков, одни воры и вандалы. И они чувствуют себя крайне неловко, когда ты требуешь наказать проектировщиков. Всем им сразу хочется наказать тебя! Слушай, а ты как-то это пытался обсуждать внутри театра?

- Конечно! – кивнул премьер. - Я пытался даже говорить об этом с генеральным директором, когда он нам говорил, будто здание – «на стадии проекта». Я еще тогда сказал, что нам надо контролировать все! А он заявил, что над проектом работают профессионалы и будет сделано все хорошо. А два года назад меня пригласили на совещание о начинке репетиционных залов. Я был удивлен, что сам директор меня позвал. Ну, какие-то вещи я этим строителям объяснил. Где обязательно должны быть зеркала, на какой высоте должны быть станки. Они все записывали за мной и многие вещи сделали нормально. Но мы не знали на тот момент, что у нас в потолке будут окна, мы не знали, что они ошибутся с наклоном пола! Понимаешь, у нас же полы с наклоном. Ну, у них должны же быть планы, где должно было быть все это нарисовано... Потом, когда я увидел, что два зала из трех спроектированы так, что в них нельзя выполнять высокие поддержки, потому что...

- Потому что эти два зала устроены на месте бывших раздевалок для кордебалета, - закончила за него Эрато. - И теперь ты не можешь на репетиции поднять партнершу, потому что она ударится в потолок, потому что там идет скос. Сплошные «потому что». Но ты теперь-то понимаешь, что проекта не было? Ты понимаешь, что вначале должна была быть проведена большая проектная работа, а уж потом – рушиться стены, устраиваться окна где попало...

- Понимаешь, у меня есть два метра около зеркала, где я могу носить партнершу на пяточке, а если мне надо пронести ее по диагонали, то я уже это даже порепетировать не могу! – возмутился Николай. – Я, когда это все узнал, прибежал к директору, я ему первому это высказал! Потом, когда еще не были заложены коммуникации, и мы узнали, что гримерные у нас получаются вообще без окон, я говорил, что нам очень важно воздух... От меня отмахивались, как от назойливой мухи, мол, «не это главное»! Главное, конечно, их кабинеты, это я понял. Мне уже объяснили, что у меня плохой характер, что я претендую на какие-то «особые условия», у меня «звездная болезнь». Главное, что я для себя ничего не просил, я ж не прошу для себя лично. Хотя работать в таких условиях невозможно. Но не мне одному! А нашим девочкам каково работать в таких условиях?..

- И раньше основная версия озвучивалась о том, что ты рвешься к власти, а сейчас она вообще станет основной, - ответила Эрато. – Руководство театра сразу же после твоих выступлений заявило, что ты претендовал на пост главного по балету, но тебе его не дали. Вот ты обиделся и начал войну.

- Абсолютная чушь, - возмутился премьер. – Мне предлагали руководящий пост в министерстве культуры, я отказался и сказал, что меня устраивает положение премьера и репетитора в театре, я с удовольствием работаю, у меня есть ученики, у меня есть обязанность перед людьми. Но теперь ты видишь, что меня лишают этих обязанностей для того, чтобы показать: «Вот, имел? А теперь мы у тебя все отнимем».

- Слушай, Коля, посмотри, что у тебя за дверью? – шепотом сказала ему Эрато. – Я больше не могу, мне страшно! Мне надо выбираться... посмотри, кто там скребется!

- Да никто у нас не... скребется, - ответил Николай, распахивая дверь перед пресс-секретарем театра Никифоровой, глядевшей на него искоса, как-то неестественно выгнув голову набок. – Здравствуйте, какая неожиданность!

От растерянности он даже не сумел придать голосу соответствующую язвительность. Никифорова напирала на него плечом, явно желая ворваться в гримуборную.

- Мне сказали, у вас журналистка с телевидения, - каким-то глухим изменившимся голосом прошипела пресс-секретарь. – Вы ведь знаете, что не имеете права давать интервью без согласования с пресс-службой театра...

- Чтобы вы в мое интервью всякие гадости вставили, - прокричал Николай, стараясь выдавить рвавшуюся в каморку Никифорову. – Да что же вы, в самом деле? У нас личный разговор, мы к знакомым на день рождение собираемся!

- Пусти! – вдруг совершенно чужим голосом рывнула Никифорова, и от неожиданности Николай выпустил удерживаемую дверь.

Он обернулся в сторону Эрато и удивился ее поведению еще больше, чем натиску пресс-секретаря. Журналистка залезла на стул, выставив его вплотную к зеркалу, явно намереваясь забраться на крошечный столик перед ним. Одной рукой она прижимала к себе сумку с ноутбуком, а другой тыкала к Никифорову большой массажной щеткой.

- Уйди, Окипета, лучше уйди! Час Либитины настал, это не твое время! – заорала на пресс-секретаря не своим голосом журналистка.

Николай поймал себя на мысли, что толком никогда не задумывался, кто это у них работает пресс-секретарем. Как-то он услышал ворчание их оперной дивы про Никифорову – «медвежья лапа», но переспрашивать не стал. Где-то в ее интервью читал, что она не смогла закончить детскую музыкальную школу по классу баяна, но музыку любит страстно. Тогда он подумал, что примадонна имеет в виду полное отсутствие у Никифоровой музыкального слуха, - от поговорки «медведь на ухо наступил».

Он понимал, конечно, что Никифорова в театре человек неслучайный, взяли ее не за талант или профессионализм. Но никогда раньше не замечал ее тяжелой поступи, от которой трещал дешевый ламинат на полу его каморки. Руки ее были плотно прижаты к туловищу, а голова неестественно вывернута так, будто она хищно высматривала что-то у ног не на шутку перепуганной Эрато.

- Девочки, вы что это? – беспомощно развел он руками. – Девочки, давайте мирно обсудим наши проблемы...

- Заткнись! – прошипела пресс-секретарь, пытаясь боком подобраться к скулившей на одной противной ноте журналистке. – Дойдет и до тебя очередь, заткнись!

- Вот пусть сейчас лучше до меня очередь дойдет, - решительно ответил Николай, - а сейчас мы будем с прессой вести себя по-

балетному! Не забывайте, что вы пресс-секретарь, а не...

Тут он бросил взгляд в зеркало, к которому прижималась Эрато, сбросив коробку с артистическим гримом на пол. За ее спиной, в зеркальном отражении он увидел смутные очертания Никифоровой, но именно такой, какой она всегда ему казалась, когда откровенно гадила в печати, перевирая восторженные отклики в английской и французской прессе.

- Коля, спаси меня! Пожалуйста, спаси от этой гадины! – всхлипывая, повернулась к нему Эрато, заламывая руки.

Он подскочил к Никифоровой, совершенно потерявшей к нему всякий интерес, полностью сосредоточенной на замшевых ботильонах Эрато, схватил ее под руки, плотно прижатые к туловищу, и, удивляясь про себя ее почти немыслимой тяжести для довольно щедедушного тельца, сумел выкинуть ее в коридор, всем телом прижав дверь, плотно запирая ее на ключ.

- Что это было? – переводя дыхание, спросил он Эрато, слезавшую с туалетного столика.

- То, что ты сам видел, - прошептала она. – Надо своим глазам верить, а не сложившимся общественным представлениям... как где-то писала Каллиопа. Как ты думаешь, эта тварь за мной кинется?

- Не знаю, я же впервые такое вижу! – растеряно признался он. – А что ты про какой-то час Либитины говорила?

- Если ты немедленно не дашь мне что-то выпить, ничего не скажу! – твердо сказала Эрато, чувствуя себя совершенно обессиленной.

- Ну, где-то тут мне поклонники приносили, - неуверенно сказал Николай, заглядывая в тумбочку, понимая, что без тонизирующего ему придется тащить ее из театра на себе. – Вот! Нашел! Мне после «Щелкунчика» дарили... Там же Новый год и мое день рождения... дарят, а я такое не пью.

Он выставил на туалетный столик изящный флакон коньяка, соображая, где же у него могут быть рюмочки или стаканчики. Но пока он рылся в своем шкафу, Эрато, свинтив хрустальную пробку флакона, жадно припала к нему ярко накрашенным ртом.

- Ну, ты даешь! – зачарованно протянул он, впервые видя, как коньяк пьют прямо из горлышка.

- Не знал, что девочки такое могут!

- Блин, еще насмотришься на всех девочек, что и не такое узнаешь! – заплетающимся языком пролепетала Эрато. – Кажись, отпустило... Ну, ты, наверно, знаешь, что Холодец – психопомп, то бишь проводник душ? И меня всегда поражало, что можно о себе всю историю исказить, а до конца подчистить еще никому не удавалось... Все в его истории шито белыми нитками, все торчит на поверхности! Нет, ты слушай, слушай! Ты думаешь, что останешься в стороне, да? А он сам к тебе придет! Поэтому тебе лучше сесть и меня послушать...

Быстро захмелевшая Эрато начала рассказывать ему про Холодца так, будто это был хорошо знакомый ей тип, обладавший огромной властью. Николай постоянно сталкивался с такими заносчивыми господами, смотревшими на всех свысока. Немеряные деньги настолько вскружили им головы, что они чувствовали себя небожителями, в чьей власти было повернуть время вспять.

- Гермес притворяется самым молодым богом среди олимпийцев, - продолжила Эрато, сделав еще один глоток, чувствуя, как наконец-то согревается изнутри. – Он очень древний, древнее Зевса или Юпитера, которому подсунули «сыночка»...

Не понимая, как это может решить его проблемы в театре, Николай с интересом слушал ее рассказ о древнегреческом боге, который, оказывается, не только не превратился в стильный фетиш банков и бирж, но может вполне явиться к нему за какой-то надобностью.

Само его имя было, как производное от греческого слова ἑρμα, герма, и означало вообще-то грудку камней или каменный столб, которыми отмечались в древности места погребений. Гермы были путевыми знаками и одновременно своеобразными амулетами, охранителями дорог, границ, ворот. Отсюда пошло одно из прозвищ Гермеса - «Пропилей», то есть «привратный». А повреждение герм считалось страшным святотатством. Герма делила наш мир и потусторонний, никто их и так не трогал, поскольку каждая герма считалась порталом в мир иной. А уже потом, как бы сам по себе, возникает образ Гермеса Трисмегиста, то есть «трижды

величайшего», и с этим Гермесом связываются все оккультные науки и тайные, доступные только посвящённым знания.

Гермес почитался на анфестериях - празднике пробуждения весны и памяти умерших. Это стало потом в христианстве «Троицей мертвых». В средние века в алхимии существовала теория о Птицах Гермеса (аллегорическом образе ртути), которая может породить новую субстанцию - философский камень, превращающий все в золото, меняющий природу вещей.

- И поскольку мне сейчас совершенно без разницы, я могу сказать открытым текстом, что многие будто и получили такой камень от гермесовых птичек, - икнув, заявила Эрато. – Многие вдруг получают столько благ, будто в руках у них – философский камень... Но всем придется платить за такие чудеса! Всем... но так не хочется, Коля!

Она достала из сумки распечатку с древним ритуальным заклинанием к Гермесу алхимиков.

- Там вначале на английском, а внизу – русский перевод, - пояснила она, тыча в листок пальчиком с безупречным маникюром. - Это, чтобы ты знал. Лучше знать, с кем дело имеешь!

*In the sea without leas
Standeth the bird of Hermes
Eating his wings variable
And maketh himself yet full stable
When all his feathers be from him gone
He standeth still here as a stone
Here is now both white and red
And all so the stone to quicken the dead
All and some without fable
Both hard and soft and malleable
Understand now well and right
And thank you God of this sight*

Между моря без границы,
 Стоит как столп Гермеса птица
 Свои крылья пожирая
 И себя тем укрепляя
 И как только перья канут
 Она недвижимым камнем станет
 Здесь сейчас бел он и красен
 И всеми цветами - смертью окрашен
 Всем и частью без подколки
 Твердый, мягкий он и ковкий
 Ты все правильно пойми
 И Бога возблагодари

- И там внизу – поговорки про птичек Гермеса, их тоже надо понять. Многие сочиняют про каких-то фениксов, а у древних греков фениксов не было! – залилась Эрато пьяным голосом.
 - Слушай, ты так пьешь, а ты на машине? – вдруг дошел до Николая весь ужас положения. – Как ты домой-то пойдешь? «В греческом зале, в греческом зале...»
 - Не твое дело! – гаркнула Эрато. – Ты о себе подумай! Не все же думать о балете и реконструкции... какие вы все скучные, ей богу... прочти поговорки! Думаешь, это про фениксов или журавлей?
 Николай прочел две строчки после стиха.

*Птицей Гермеса меня называют, свои крылья пожирая, сам я себя укрощаю.
 Птица Гермеса имя мне дали, лишив меня крыльев, свободу отняли.*

- Это уже из черной магии, - мрачно заметила Эрато. – Это когда кто-то или что-то уже умерло, но уходить не хочет, но готово стать «птицей Гермеса», готово ради этого пожертвовать и свободой.
 - А сама-то ты чего такое не сделаешь? Сразу бояться не будешь, - попытался рассуждать разумно Николай.
 - А потому что я знаю про Либитину, - ответила Эрато.
 Либитина тоже была очень древним итальянским божеством прихоти и эротических удовольствий, вместе с тем являясь богиней садов и виноградников. Сама муза любовной лирики Эрато была отражением этой богини в искусстве.

Либитина олицетворяла краткую весну каждой жизни – молодость. Смерть наступала слишком внезапно, люди раньше редко жили долго, потому и возникла поговорка «мертвые остаются молодыми». Культ Афродиты Урании и Афродиты Пандемос (Афродиты Небесной и Афродиты Всенародной) – переродился в культ Венеры, олицетворявшей любовь земную и небесную. А Либитина стала третьей ипостасью с Венеры, получившей прозвища *Lubentina*, *Lubia*.

Все, что родилось, должно в свой срок отцвести и уступить в свой срок дорогу новой жизни. Венера *Lubentina* олицетворяла краткость, недолговечность любви, отражавшей ее мимолетность перед вечной разлукой. В храмах Венеры Либитины хранились похоронные принадлежности, и по постановлению Сервия Туллия за каждого умершего уплачивалась в него известная монета (*lucra Libitinae*). Поэты употребляли имя Либитины в значении смерти, разлучающей любящие сердца.

распахивались ворота Либитины.

Нельзя понимать значение Либитины буквально, как некую богиню мёртвых, смерти и погребения. Она – тоже психопомп, но... полностью противоположный Холодцу.

Гермес не спешит избавить этот мир от разлагающей мертвечины. К нему обращаются в жажде остаться здесь в любом качестве, пожертвовав крыльями и свободой, переродиться, познавать мир не из любви, а из жажды стяжательства. А Либитина – та, которая из любви ко всему сущему, примет в свои врата всех, кто решил сравняться с «птицами Гермеса», оставшись отравлять существование живущим... Хотят они того или нет.

Только она хорошо понимает всех, кому так надо насладиться глотком любви, надежды и веры перед вечной разлукой. Гермес кажется вечным, но с женской аккуратностью Либитина убирает все, что он хотел бы оставить здесь навсегда, отравлять краткий миг бытия тем, кто способен любить и украсить мир своей любовью. Она вступает в свои права после того, как закончит дуть летний сирокко — южный ветер. Она не прикидывается никем, став из богини весенних садов – обычной могильщицей, не хуже Гермеса умея считать монеты, чтобы точно знать число умерших.

* * *

Вызвав такси и проводив обвисшую на его руке Эрато до машины, Николай решил пешком пройти по вечерним улочкам до своего дома. События этого дня надо было еще пережить. В

голове проносились какие-то дикие эпизоды встречи с Эрато, которая всегда поражала его деловой хваткой и умением скрыть свои душевные «метания-переживания» - за обаятельной улыбкой.

Разве он мог подумать, что когда-нибудь увидит ее верхом на своем туалетном столике, тыкавшей их пресс-секретарю массажной щеткой в лицо, а потом потащит пьяную до машины после рассказов о соперничестве Либитины и Холодца в весьма щекотливой области.

В голове крутилась ее последние слова, сказанные с почти трагическим надрывом уже из такси: «Ты когда почувствуешь что-то нехорошее, сразу говори про огурцы! Придумай заранее... или просто скажи, что очень огурцов захотелось. Эта ваша Никифорова ведь не зря ворвалась, после нее все сказанное имеет огромное значение. Мне кажется, это про ворота Либитины. Думаю, будет какой-то поединок на помин души, а тебе надо выстоять!»

Он представил себе, как будет кричать про огурцы в интервью или передаче об искусстве, и даже улыбнулся. Впрочем, он вспомнил, что одна присказка про огурцы ему действительно нравилась: *«Не надо путать огурцы с кефиром!»* Так любила говорить его мама, а он любил приводить ей ее же слова, когда она предлагала ему холодный овощной суп с мацони. Вспомнив о том, что он, грузин, с детства не жаловал именно кавказскую кухню, а обожал вареники с творогом, голубцы и борщ, его окончательно развеселило. Но веселье тут же иссякло, когда в памяти неожиданно всплыло красивое лицо высокой черноволосой женщины под новогодней елкой и ее слова: *«Ты даже представить не можешь мое затруднение! С одной стороны, часы Сфейно никогда не ошибаются, а с другой стороны... это твое сумасшедшее желание... Как женщине разумной и порядочной, мне очень хочется принять сторону твоей мамы».*

В этот момент он вполне понял странный жаргон Эрато, называвшей древнегреческого бога Гермеса – Холодцом. У него похолодели кончики пальцев, по спине прошла холодная волна ужаса – полным и окончательным пониманием того, что на самом деле является правдой в его жизни. На что он рассчитывал, прилагая столько усилий, чтобы обрести ту неподдельную власть над чужой душой и попытаться хотя бы один вечер озарить ее счастьем, вдохнуть надежду? И чем для него давно стала обыденность вне сцены, все больше походившая на кошмар? Холод почти дошел до самого сердца и остановился каким-то недобрым предчувствием внутри, когда он понял, что реальностью для него теперь становится то, что он всегда считал снами, детскими фантазиями и пустыми грезами.

До дома оставалось пройти небольшой сквер с нечищеными ступеньками спуска от тротуара. Он мог бы поклясться, что в скверике никого не было, но подняв голову после того, как аккуратно миновал ступеньки в тусклом свете фонаря, увидел, что на заснеженной скамейке посреди сквера сидит старик в старомодной дубленке и пыжиковой шапке. Впрочем, было неудивительно, что он не заметил его сразу. В его внешности было нечто такое, что казалось, что стоит ему откинуться и перестать вглядываться в лица прохожих, он немедленно сольется со скамейкой и сугробом у металлического подлокотника.

Холодок возле сердца тут же подсказал ему, что старик ждет именно его, он сюда «пришел по его душу», как ворчала в детстве его няня. Поэтому при его окрике «Молодой человек!» Николай попытался прибавить шаг.

- Николай! Не бегите! Догонять не стану! Выслушайте меня, - почти просительно сказал старик ему вслед.

Николай остановился и со вздохом повернулся к его сгорбленной фигуре на скамейке.

- Что вы хотели? – спросил он негромко, стараясь не раздражаться.

- У вас там... в театре, - с запинкой проговорил старик. – Есть у вас в театре два существа нездешних. Вернее, они-то как раз куда более «здешние», чем мы с вами. И я подумал, что одна вещь вам может пригодиться.

- У меня очень мало времени, - твердо сказал Николай. – Вообще стараюсь на улице знакомства не завязывать.

- Я вас понимаю, - просто ответил старик. – Скажи мне кто раньше, что стал бы с вами знакомство на улице завязывать, так показалось бы смешным. Но понял тут, что меня свои дела сейчас волнуют куда больше «мирового господства» отдельных мифических существ. Со многими говорил в последнее время, все твердят одно: «У меня не было другого выхода!» Я и сам так говорил всю жизнь. А сейчас вдруг решил, что надо бы поговорить с теми, кто ищет другой выход. С вами, например.

- А я весь вечер говорил о том, что у меня вообще мало каких-то выходов, - признался Николай, устраиваясь на скамейке рядом со стариком. – Давно меня ждете?

- Здесь? Нет, недавно. Я за вами вторую неделю слежу, - признался старик. – Даже в ваши катакомбы просачивался, видел, как Окипета возле вашей двери крутилась, а потом вы ее в коридор выкинули. И вашу посетительницу, вестницу Либитины, видел... Значит, врата Либитины открыты и ждут всех!

Николая покрутил головой, чтобы отогнать какое-то наваждение в виде холодного и бесстрастного женского лица в лунном свете.

- Почти всю жизнь я имел такую власть, о которой нынешние властители и понятия не имеют! Нынче думают по-простому! – с застарелой злостью сказал старик. - Сделал гадость, забил по шляпку, а сам пей-веселись! Такая власть недолговечна потому, что пространство сжимается. Как это объяснить? Власть настоящая, когда она пронизывает лучшие помыслы, задействует их! Согласен, в чем-то в советское время слишком уж большое давление оказывалось на лучшие стороны человеческой натуры – так, что у многих они атрофировались. А есть другой, более примитивный подход во власти – когда человек во власти полностью изолируется от

лучших сторон человеческой души окружающих. Как правило, людям просто не дают себя проявить. И наступает эта вечная зима, время останавливается, все вокруг замерзает, прежде всего, человеческие души. Они становятся уязвимыми, доступными. Обычно такое время называют...

- Время гарпий? – выдохнул премьер.

- Совершенно верно, - подтвердил старик. – Но это время живых мертвецов, переставших жить при жизни. Раньше искали философский камень с этой целью – остановить для себя время. Можно сказать, что я такой камень нашел! Им для меня был очень важный пост в одной режимной организации. Много лет я старался прикармливать младших муз, внушая им их «особенность», из которой я возвращал

обособленность. Заставлял молчать старших муз... Но потом произошло то, что вы видите. Вы манипулировали людьми! –

- Конечно! А вы знаете, Николай, что многие люди мечтают, чтобы ими манипулировали? – усмехнулся старик. – И большинство с готовностью подвергается разного рода манипуляциям, зная свой расклад. Хотел поинтересоваться... вы ведь хореографическое училище с отличием закончили? И время тогда было самое советское, верно?

- Да, - подтвердил Николай.

- И по предмету «Обществоведение» у тебя пятерка? Что молчишь? Не читал, как «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма»? – ехидно поинтересовался старик. - Ведь читал! А ты не придавал значения этим манипуляциям? Разве в комсомольскую организацию не входил? А в этом был основной отход от того, что должна была сказать Каллиопа.

- У вас все Каллиопы говорили то, что должно, - сумрачно заметил Николай. – А потом такое вывалили!..

- Да, вывалили в тот момент, когда мало кто критически мог оценить вываленное, - невозмутимо подтвердил старик. – Вывалили то, что живым было особо не нужно в тот момент. И все это... не прошедшее эстетической триады, попросту говоря...

- Не волшебное? – усмехнулся Николай.

- Совершенно правильно, молодой человек! Даже не представляете, насколько, - грустно вздохнул старик. – Это долгий разговор, да и, пожалуй, в текущей ситуации беспредметный. Хочу уравновесить ваши шансы. Не спрашивайте, почему.

- У меня столько вопросов, но, как всегда, спрашивать не рекомендуется, - усмехнулся премьер.

- Вовсе не имел в виду те вопросы, которые возникали у вас до нашей встречи, - проворчал старик. – Вас же я-то сам лично не интересую, верно? Вот чисто из вежливости вообще предложил избежать каких-либо вопросов на счет моих мотиваций. Тем более, что не так давно за этой вещью ко мне приходил Холодец и гарпия, которую вы сегодня выкинули в коридор.

- Наверно, вы решили исправить сделанное раньше, - предположил Николай, действительно не чувствуя никакого интереса к мотивам, которые двигали стариком.

- Сам не знаю, - признался старик. – Ответом много, но ни один целиком и полностью ко мне не подходит. Наверное Проще всего будет объяснить это... мистическим образом. Понимаете, раньше я полностью был уверен, что самой судьбой предназначен носить гарпию-паразита по имени Аэлоппа. А она выбрала другого... вы его знаете. Или потом увидите и все поймете. Не то, что мне стало обидно, но как-то все это неожиданно и... несправедливо. Это должно было стать моей ношей, моим смыслом. Мне так и не понять, почему она выбрала не меня.

- Да это же просто гадость какая-то, - воскликнул Николай, передернувшись от брезгливости. – Жить с кем-то на шее...

- Так живет большинство, просто сами этого не понимают, - невозмутимо ответил старик. – Впрочем, поздно говорить об этом. Сразу скажу, что этим шагом я не делаю выбора стороны, напротив, мой нейтралитет становится намного глубже. Я просто даю вам возможность больше доверять тем, кто на вашей стороне. И только.

- А что это такое? – не скрывая любопытства, поинтересовался Николай.

- Старинная камья с единственным портретом гарпии по имени Окипета, выполненная одним из обреченных, - пояснил старик. – Она позволяет всякому увидеть гарпий в их истинном обличье. Люди были бы куда меньше подвержены злему началу, если бы видели зло таким, каким оно предстает в последнюю минуту, когда уже ничего поправить нельзя.

Он достал из кармана небольшой бархатный футляр, раскрыл его и подал Николаю.

- Вы имеете много положительных качеств, как я успел выяснить, - сказал старик с ревностью глядя, как Николай бережно берет в руки драгоценную камею. – Рациональность и здравый смысл – это прекрасно, но они мешают вам увидеть некоторые вещи, а главное, поверить в себя. Зло всегда отводит глаза. Но рассмотреть его с помощью камеи может лишь тот, кто видит само зло в любом обличье. Тот, кто считает, что ваш пресс-секретарь – находка для театра, что она высокопрофессиональна и очень полезна, не увидит ничего даже с помощью этой камеи. Здесь нет ничего особо чудесного! Перестает искажаться истинный облик носителя зла. Мне кажется, что вы отлично обошлись бы и без нее. Поэтому не считаю, что чем-то сильно помогаю вам. Но видеть неприкрытую суть вещей, а главное, верить в свое предназначение – это немало в наше Время гарпий...

* * *

Антону Борисовичу показалось, что он стоит в шаге от бушующей огненной бездны, когда услышал в трубке голос старшей дочери Дашеньки: «Папа, я просто не знаю, что делать...»

С тяжелым предчувствием он ждал, как зять раскроется на посту художественного руководителя балета. Из него полезли нездоровые амбиции, которые стали сказывать не только на подчиненных для пользы их совместного предприятия, но и на его Дашеньке.

Антону Борисовичу приходилось неоднократно напоминать зятю о том, что своим назначением на пост худрука он обязан не только и не столько своим балетным талантам, все больше вызывавшим сомнение в коллективе труппе, начинавшем роптать. И в последний раз, когда он всего лишь сказал зятю, что его интервью, которые он начал давать налево и направо, беспощадно раскрывают его как неумного и неподготовленного руководителя, что к интервью надо заранее готовиться, а репетировать их требуется отнюдь не меньше, чем к выходу на сцену, - тот взорвался.

Зять заявил, что вовсе не желал «портить со всеми отношения» таким образом, каким он попал на пост худрука. Он напомнил, что рассылка по тысяче адресов фотографий из телефона бывшего руководителя балетной труппы – ставит и его в сложное положение. А что, к примеру, Антон Борисович захочет однажды разослать о нем по тысяче адресов? И хоть никто точно не знает, как был вскрыт телефон руководителя труппы, которого руководство театра хотело поставить на пост худрука, но все догадываются! Несложно догадаться, кому было выгодно разослать фотографии сексуальных оргий! Он уже слышал такое мнение, что там были фотографии с бывшим министром культуры, и тот, кто делал рассылку, дал это всем понять.

Зять заявил, что работа в их предприятии его сильно «дискредитирует», что он «портит себе карьеру», общаясь с человеком, который держит такой компромат. А однажды вообще высказал ему в сердцах, что боится его и желает как можно меньше иметь с ним общих дел, а уж тем более – общее гастрольное предприятие, где он – «на птичьих правах». Он сказал, что испытывает «нехорошее чувство под ложечкой», каждый раз, когда Антон Борисович входит к нему в кабинет, будто тот таскает за собой... непонятно что. Особенно оскорбительными были слова зятя, что от него давно пахнет как-то особенно, будто у него что-то гниет внутри. Даже посоветовал провериться у врача.

Антон Борисович не стал продолжать эти бессмысленные разговоры, зная, что упрямого и ограниченного сожителя дочери бесполезно в чем-то убеждать словами, если он несколько не оценил филигранно проведенной им операции по становлению на должность художественного руководителя балета. С тяжелым чувством рухнувших надежд он вновь полез на свои антресоли, где хранились у него заветные приспособления. Вот так и бывает в жизни – только

решишь, что все устроилось и все теперь, наконец-то, все пойдет в нормальном русле, как вновь приходится откатываться куда-то к темному началу 90-х...

Он стал особо предупредительным с зятем, держась подчеркнуто подобострастно, не давая ему больше повода хоть в чем-то усомниться в своей лояльности. Дома он выслушивал плач дочери, а потом долго внушал ей мысль «с кем не бывает» и уговаривал ни в коем случае не переезжать к ним в квартиру с двумя внуками.

Даша была на взводе и высказала отцу упрек, что, мол, он решил оставить свою квартиру младшей дочери, а ей сейчас с детьми жить негде. А, дескать, он и так устроил мужа сестры в теплое место при МВД, а ее он никуда не устраивал. В другое время он бы сказал, конечно, своей ненаглядной балерине, что так, как устроила свою семейную жизнь она – не устраивают и к родителям с детьми не съезжают. Но нашел в себе силы успокоить Дашеньку и напомнить о ее боевом характере, заметив, что зять нисколько не пожалеет, если она сейчас «развяжет ему руки». Он попросил ее сжать зубы и немножко потерпеть, а он – «так этого дела не оставит» и приложит все усилия, чтобы помочь ей.

Не зря он всегда гордился Дашей. Она все поняла, прекратила «выяснять отношения», зачастила с детьми к свекрови, которую терпеть не могла. Имея хорошую выучку хореографической пантомимы, она без особого труда жестами подчеркивала при посторонних свою проснувшуюся любовь к мужу, поясняя всем, что их семейные отношения «переживают состояние новой влюбленности друг в друга».

Антон Борисович теперь каждый вечер прослушивал записи всех разговоров, которые зять вел из машины и по телефону. Из них он окончательно и бесповоротно понял, что тяжелые предчувствия так просто и «сами по себе» не возникают. Как он хотел иногда придушить этого щенка голыми руками!

А потом к нему стали приходить в голову странные мысли, что никого не стоит убивать, а лучше лишить того кусочка натуры, который позволяет каждому радоваться жизни. Люди никогда не ценят его, куда выше ставя какие-то материальные блага, но как только начинают терять, так пытаются удержаться в жизни, цепляясь за то, что еще вчера им казалось «ярмом». Он думал, как смешно выглядят те, кто вдруг начинает мнить себя богом и вершителем судеб.

Из всего того, что он буквально за одну неделю узнал из записей всего, о чем его зять болтал, не переставая, в течение двух недель, он выяснил, что каждый вечер в машину зятя садится артистка кордебалета Каролина Спешникова. Они заезжают либо в заведение с номерами, либо заезжают в закрытый паркинг, потому что дома у Каролины «совершенно нет никаких условий». Каролина беспрестанно задавала зятю вопросы по поводу радостного вида Дашеньки и ее заявлений о том, что у них все прекрасно. А его зять обещал ей, что «все прекрасно» будет как раз у них, когда он окончательно «выдавит Дашку» из своей квартиры к родителям.

Антон Борисович любил внуков и никогда не возражал, когда Даша подолгу «гостила» у родителей, не желая возвращаться домой. Он всегда тихонько подсылал к ней жену для душевного разговора с дочерью, а сам умело настраивал мальчиков, тут же начинавших ныть, что они соскучились по папе.

От некоторых балерин, которым он помогал за процент от гонорара продвинуться в первые ряды кордебалета, он знал, что Каролина с начала осени заявляла в своей раздевалке, что скоро «оформит отношения» с худруком балета, поскольку с Дашей у него – «все кончено». И как зять не скрывал, Антон Борисович выяснил, что Каролина сопровождала его в поездке в Нью-

Йорк, где вместо деловых переговоров о гастролях театра он предпочитал проводить время в ее номере.

Его бы не слишком расстроил адюльтер зятя с Каролиной, очевидно, решившей, будто ее жизнь вошла в твердую колею, и теперь у нее все будет «как по маслу». Разрушить подобные девичьи планы в театре можно было за половину рабочего дня. Больше всего его встревожили тесные контакты зятя с одним известным артистом эстрады по фамилии Барабуль.

Мало кто знал, что из небытия 90-х Аркадий Барабуль «поднялся», благодаря прочным связям с авторитетами преступного мира столицы, долгое время выступая на их торжествах и сходках просто «за кусок хлеба». Затем он не только прочно обосновался на телевизионных каналах с помощью своих теневых покровителей, но и начал стремительно «вставать на ноги». Со временем он оброс высокопоставленными поклонниками, которым полюбили его непритязательные репризы на корпоративных вечеринках - про глупость и недалекость «новых русских» с приколами про разного рода «лохов».

Появление Аркадия Барабуля всегда придавало любому приему почти «домашний», доверительный характер. Спиртное потреблялось без внутренних барьеров, поскольку никто из присутствующих не мог бы достичь той степени опьянения, которую изображал Барабуль в своих незамысловатых сценках. Гости начинали «тыкать» хозяевам», начальство обнимало подчиненных за плечи и трясло счастливых с раскованным обращением: «Пацан! Ну, чо пацан? Чо за дела, в натуре?», подражая придурковатым героям Барабуля.

Свое балетное предприятие Антон Борисович мысленно противопоставлял «скорой помощи» и тому подобным способам «карьерного роста», навязывавшимся администрацией театра балетной труппе. Возможно, он делал это и в пику охочему до женского пола зятю, считая, что создает куда более честные и открытые возможности для «налаживания связей» - обычным отчислением процента от гонорара, когда другие принуждали девушек и юношей к ничем неприкрытой проституции «ради искусства». Хотя это называлось нынче «эскорт-услуги», но ведь как такое не назови...

А вот Барабуль, как выяснил из прослушки машины зятя Антон Борисович, получил в наследство от убитого в начале нулевых годов авторитета Баллончика – отлично налаженное предприятие самых элитных эскорт-услуг. Собственно говоря, «элитней» было уже некуда, потому что Аркадий Барабуль был вхож в самые высокие кабинеты, вернее, лишь в один высокий кабинет, занимаемый человеком, «поставлявшим девочек на самый верх». Именно так Аркадий Барабуль с неподражаемой простотой своих персонажей пояснил зятю характер своих отношений с влиятельным кремлевским вельможей.

В сущности, само понятие «налаженного бизнеса» Аркадия Барабуля и заключалось в том, что по таким щекотливым и деликатным вопросам в кабинете предпочитали работать только с ним. Все же это был известный эстрадный артист, допущенный к участию в самых престижных корпоративах. Он пришел от надежных людей, да и сам с готовностью демонстрировал абсолютную надежность.

К тому же дело он вел с размахом и поддерживал его на должном уровне. Вряд ли кто-то мог понять, что широкая сеть бутиков, спа-салонов и тренажерных залов частных врачебных кабинетов и косметических клиник, - работала, прежде всего, на милых фей из основного бизнеса Аркадия Барабуля.

По счастливой случайности, именно в этом кабинете, являвшемся смыслом и сосредоточием его сладкого бизнеса, а вовсе не в Министерстве культуры – решалось, кто же будет руководить главным театром страны. А вот интерес Барабуля к зятю Антона Борисовича был вполне понятным и абсолютно аналогичным тому интересу, который бы он сам испытывал к худруку балета, не поставь его сам на это место и не имей от него двух внуков.

В кордебалете на предпоследней линии плясала не слишком красивая, угловатая и бесперспективная дочка Аркадия Барабуля Светлана. Антон Борисович с удовлетворением понимал, что, в отличие от его Дашеньки, Светлана Барабуль не имела и малейшего шанса продвинуться собственными талантами через головы писанных красавиц балетной труппы, больше похожих на «трепетных ланей» и сказочных дивных пери, чем на реальных существ, ломающих голову, как свести концы с концами. Даже в кордебалет ее взяли исключительного по протекции знаменитого папы. Она была очень похожа на него даже в своем «творчестве», выделяясь даже у задних кулис какой-то неподражаемой простотой. Казалось, что ее виллиса может сойти со сцены, сесть на колени и по-свойски хлопнуть по плечу: «Ну, чо, пацан?» Даже основная профессия отца каким-то непостижимым образом отложила свой отпечаток на черты лица Светланы – хищным оценивающим выражением.

Но каково было Антону Борисовичу осознавать, что вся блестяще проведенная им операция по назначению зятя на пост худрука балета – оказалась на руку только Светланиному папе и расцветавшей на глазах Каролине Спешневой, а вот его собственной дочери могла окончательно сломать жизнь.

Зять с легкостью пообещал Аркадию, что как только он станет директором театра, так его Светлана станет звездой его балета. Он найдет управу и на жалкий Худсовет, и на старых педагогов, постоянно жаловавшихся на дочку юмориста.

То, что зять и Барабуль за осень несколько раз побывали у высокого начальства с разговорами о дальнейшей карьере худрука Мылина, Антон Борисович понял не только из радостного гогота Аркадия и его возгласов «Ну, чо, пацан?» в машине зятя. Он вспомнил несколько неожиданных шагов, которые Светлана сделала за осень из последних рядов кордебалета без малейшей попытки как-то отблагодарить зятя за «антрепренерство» через кассу их предприятия. И от многих своих «клиенток» из кордебалета, жаловавшихся ему на жизнь, он знал, что Светлана

похвасталась, будто ее папа уже договорился, что на гастролях в Лондоне ее имя будет в афишах, а со своим педагогом они готовят танец с барабанами для балета «Баядерка».

Если бы вопрос с ее барабанными танцами не был «проработан» с его зятем, вряд ли она о таких вещах вообще открыла рот в раздевалке, где сообщались вслух лишь «пустые домыслы», имевшие статистическую вероятность единицу. Если, конечно, не наступало другого события, которое в каждой жизни тоже маячило со своей единичной вероятностью. Но до откровенной поножовщины в театральных интригах пока, слава богу, не доходило. Он сам придал этим интригам более высокую степень определенности, разослав по тысяче адресов фотографии сексуальных оргий бывшего руководителя балетной труппы, чтобы не только отрезать ему дорогу к посту худрука, но и дать понять всем «противоборствующим сторонам», что «хиханьки-хаханьки» закончились.

И сейчас, чувствуя, как вновь оказался на кромке бездонной пропасти, он понял, что Светлана Барабуль, как и Каролина Спешнева, была полностью уверена, что после его решительных действий именно ее жизнь входит в «нормальное русло».

Зря зять подумал о нем, что он мог бездумно сжигать за собою мосты. Зря он решил, будто наличие у него фотографий сексуальных оргий управляющего балетной труппой с «лицом, похожим на» бывшего министра культуры, вычеркивало Антона Борисовича из числа тех, с кем ведут переговоры. Не стоило господину Мылину так поступать с ним и его Дашей, плакавшей на кухне с матерью после очередных выходов своей свекрови, постоянно дававшей ей понять, будто она – «в их семье никто».

Антон Борисович только кротко вздохнул, осознавая, сколько людей вокруг получило неожиданные дивиденды после его блестящей операции, которая могла бы составить честь любому «рыцарю плаща и кинжала», даже самому лучшему «бойцу невидимого фронта». Но, какие сложные красивые партии не выстраивай, а всегда подводят люди – полным отсутствием логики и торопливым желанием получить от жизни все и сразу. Никому не пришло в голову задуматься, зачем жить потом, если уже получишь «все и сразу»?

В отличие от всех, Антон Борисович учитывал все человеческие потребности «все и сразу» - без каких-то иллюзий о «высоком искусстве». Поэтому с особым вниманием прослушивал все разговоры зятя с Каролиной. Другой бы на его месте подумал, что разговоры худрука Мылина с Аркадием Барабулем после их совместных посещений высокопоставленных вельмож – намного важнее. Но он уже понял, что за долгие годы эстрадных выступлений Барабуль стал неспособен вести самостоятельные разговоры без суфлера и заранее подготовленного чужого текста. Он и самые простые свои мысли предпочитал выражать интонационно на фразам из своих эстрадных миниатюр. За это его, в сущности, и терпели.

Судя по его энергичному хохоту, обрывочным расхожим фразам и уговорам «подождать еще», - их вежливо выслушивали, благосклонно улыбаясь его зятю. Им никто не отказывал, но однозначного согласия на кадровые «рокировочки» пока никто не давал.

Антон Борисович знал, что кандидатуру на пост директора театра в этих кабинетах ищут уже очень давно. Знал об этом и сам директор театра, поэтому сделал все, чтобы получить французский Орден Почетного легиона, потратив на это огромные суммы из кассы Попечительского совета.

Сам Барабуль никак не мог найти никаких подходов к руководству театра, чтобы решить проблемы карьерного роста дочери, не таская за собой по своим связям худрука балета. Он уж по-всякому пытался умаслить директора театра, не понимая, что своим главным бизнесом – перебивает тому «рычаги влияния», который директор имел от «скорой помощи» - эскорт-услуг балетной труппы театра. И здесь сошлись неразрешимые противоречия, в которых никто из них не смог бы найти подходящего компромисса.

Антон Борисович мог бы постепенно, с течением времени и очень осторожно переместить непрезентабельную фигурку своего зятя на место этого «почетного легионера», не имевшего специального образования. Но для этого зятю требовалось пройти большой путь становления именно в качестве художественного руководителя балета, а не выскакивать вместе с Барабулем и его ржанием «Ну, чо, пацан?», не говоря уж о других приметах «головокружения от успехов», которыми мир полнился.

Он представил себе горку снятых с шахматной доски фигурок, среди которых мог оказаться и его зять с теми «планами на будущее», которые строил вместе с глупой, как пробка, Каролиной Спешневой. Если бы этот мерзавец не был отцом двух его внуков, Антон Борисович даже и не задумался, чтобы немедленно нанести ему шах и мат.

Ему было знакомо это чувство эйфории пребывания «на волне», которое он всегда умело гасил в себе, не поддаваясь видимой легкости осуществления задуманного, с которой сейчас его зять рассуждал с Каролиной. Молодой паре были нужны средства на устройство семейного гнездышка на уровне, достойном его «статусу», обещанному ему косноязычным Барабулем. Пока все средства зятя контролировал Антон Борисович, не давая и малейшего основания разорвать с ним деловые отношения. «Классические традиции» имели долгосрочные договора на организацию галла-концертов и гастролей, а сам Мылин уже привык получать немалые выплаты от его предприятия.

У Антона Борисовича все похолодело внутри, когда он понял, что для «финансового становления» его зять решил «грабануть» профсоюзную кассу руководимой им балетной труппы. Зять так и выразился в разговоре с радостно тараторившей Каролиной, тут же начавшей строить планы их будущих совместных приобретений. Антон Борисович при этом чуть не расколол столешницу ударом кулака, напугав жену.

Ну почему, почему ему достался такой идиот, думал Антон Борисович, не понимая, как можно совмещать эти абсолютно несовместимые в нормальной голове финансовые потоки... Как можно идти с Барабулем на прием в заветный кабинет, куда не допускают ни директора театра, ни бывшего министра культуры, зная, что ежегодный бюджет театра составляет более трех миллиардов рублей из бюджета, где это прописано отдельной строкой, без учета выручки от продажи билетов?.. Ведь зять уже участвовал в распределении президентского гранта в размере 375 миллионов рублей, получал средства из «Классических традиций»... Единственное, к чему он пока не был «причастен» - это фонд Попечительского совета, которым распоряжался исключительно директор театра.

Можно было сосредоточиться на главном? Но нет, такие элементарные логические рассуждения были не в характере избранника его дочери.

Вызывая массу разногласий, он самолично произвел себя в председатели профсоюза балетной труппы, хотя по всем людским и божеским законам не мог совмещать пост художественного руководителя балета с постом «профсоюзного лидера». Антон Борисович, пытавшийся во всем найти логику и позитивный смысл, объяснял в администрации театра такой диктаторский шаг зятя – стремлением «заткнуть рот крикунам» в балетной труппе. Кроме Николая, премьера с мировой известностью, постоянно «ставил вопросы» и стремительно растущий солист балета Игнатенко, которого все члены труппы видели в качестве профсоюзного лидера. Если Николай не был, по его выражению «профсоюзно активным», делая различные заявления в своих многочисленных интервью на телевидении, то Игнатенко олицетворял собою «глас народа» внутри театра, делая замечания о состоянии сцены театра после ремонта, о том, что балетная труппа лишена элементарных удобств и работает на износ в нечеловеческих условиях.

Конечно, не имея такого публичного примера, который подавал всей балетной труппе Николай, и Игнатенко вряд ли вспомнил бы о «своих правах». Ведь подавляющая часть артистов балета были молодыми людьми с хорошей физической подготовкой. А в молодости на некоторые неудобства можно было бы не обращать внимания, радуясь самой возможности выйти на великую сцену, где, правда, наиболее опасные для жизни и здоровья артистов места были отмечены меловыми крестиками.

* * *

Игнатенко не только являлся действительно активным членом профсоюза. В рамках этой «общественной нагрузки» он добился выделения земельного участка для дачной застройки артистами театра в Ближайшем Подмоскowie, обивая множество порогов, пробивая все преграды недюжинными организационными способностями.

В кассу профсоюза артисты вносили средства за земельные участки, эти взносы Игнатенко направлял на устройство хорошей дороги к месту строительства, прокладку к участкам электросетей и ветки водопровода. Вокруг всего кооператива его усилиями было сразу же выставлено капитальное ограждение, нанята охрана. Поэтому его коллеги могли завозить строительные материалы, делать посадки, не опасаясь мародерства со стороны местных жителей.

Главным в его деятельности было гласное и прозрачное расходование собираемых средств, с предоставлением всех документов каждому члену кооператива – вне зависимости от занимаемой ими должности и заслуг. Возле Игнатенко люди впервые начали чувствовать себя не просто членами одной команды, актерского коллектива. Простота и честность танцовщика, его стремление к творчеству и одновременное желание помочь людям - создавали возле него

какую-то почти семейную атмосферу. А Игнатенко постоянно подчеркивал, что отношения в их кооперативе должны быть самыми открытыми и человечными, ведь все они – будущие соседи поселка, где многим предстоит доживать после завершения артистической карьеры.

С присущей ему доброжелательностью он терпеливо объяснял, что вместе им вполне по силам то, что никак не преодолеть никому одному.

Становление этого дачного кооператива Игнатенко, их радостные сборища в открытых гостиных театра, а главное, растущая уверенность в своих силах и оздоровление атмосферы в творческих коллективах театра - не прошли незамеченными со стороны административного руководства театра.

Антон Борисович понимал, насколько сложно было терпеть эту «кооперативную самодетельность» дирекции театра, привыкшей считать, что все материальные потоки в театре контролируются исключительно ими. Привыкшие на словах разглагольствовать о своей отеческой заботе об артистах, «театральные менеджеры» не могли скрыть недовольства успехами кооператива Игнатенко и какого-то нездорового удивления тому, сколько дополнительных средств можно собрать с тех, кто, по их представлениям, полностью находится у них в руках.

В оперной труппе тут же возник конкурирующий кооператив в пике «дачникам Игнатенко», который возглавил тенор Гордей. Пользуясь поддержкой администрации театра, тенор начал собирать деньги коллег на дачный кооператив в живописной деревеньке Молитвенный Приют по Рублевскому шоссе, где находились загородные резиденции известных олигархов, некоторых членов правительства и видных оппозиционеров. Деревенька раскинулась возле необыкновенно красивого озера с яхт-клубом и реликтового бора, отраженного в русской реалистической живописи XIX века. А по соседству с ней, оправдывая ее название, пережившее

десятилетия советской власти, располагалось два мужских монастыря, восстановивших в прежнем великолепии исторические здания на средства щедрых меценатов, жертвовавших «на помин души».

Гордей показывал бумаги на выделение земли с печатями администрации Молитвенного Угла, а пресс-секретарь театра Никифорова первой выкупила участок в центре намеченного им плана застройки. Дороги, коммуникации и благоустройство новый кооператив планировал выполнить за счет своих членов, не работавших в театре, выкупавших участки за две тысячи долларов за сотку. Тенор уверял, что для работников театра земля в товариществе и даже возведение «коробки» строений обойдется им очень дешево за счет «привлеченных сторонних членов кооператива. Театру такой участок выделили на льготных условиях, а никому другому в таком заповедном месте купить землю невозможно. Тем не менее, новым дачникам приходилось устраивать несколько благотворительных концертов для населения Молитвенного Угла, чтобы Гордей мог сделать соответствующие согласования на подведение коммуникаций.

Приезжая с концертами почти в Берендеевскую красоту Молитвенного Угла, находившегося в часе езды от шумной грязной столицы, будущие дачники видели разметку на местности их будущего кооператива. Первым делом каждый из них бросался к колышкам с номерами своего участка, приобретаемого в кредит. В кассу Гордея за три года каждый из них должен был внести полтора миллиона рублей. Большинство на момент разбивки уже внесло от 150 до 500 тысяч рублей, работая на износ по гастрольным турам Антона Борисовича.

Заподозрив неладное в самом начале, он лишь отмалчивался, когда кто-то из артистов, входивших в кооператив Игнатенко, интересовался его мнением по поводу дачного поселка тенора Гордея. Тенор никогда не был активным членом профсоюза, будучи по натуре эгоистичным и амбициозным. Он был и не из тех, кто может чем-то пожертвовать ради «высокого искусства». При этом он имел прекрасные вокальные данные и всегда считался довольно обеспеченным человеком. Поэтому большинство членов его кооператива взхлеб доказывало, что ему нет никакого смысла «устроить аферы» с дачным кооперативом.

Антон Борисович знал, что люди не ищут доводы в ответе на вопрос аферист перед ними или честный человек, если не имеют определенных и, скорее всего, небеспочвенных сомнений. Однако наступил момент, когда уже и он нисколько не сомневался в успехе нового кооператива. Он даже иногда корил себя за то, что не дал Дашеньке 150 тысяч рублей на кооператив Гордея, когда еще была возможность взять участок в самом центре нового поселка, рядом с участком Никифоровой. И старшая дочь тогда впервые высказала ему много горьких слов о том, что он, как отец, давно «списал со счетов» ее насущные нужды и не желает ей ни в чем помочь.

Он не мог прямо ей сказать, что чувствует какую-то странную связь с пресс-секретарем Никифоровой, которую привык в последнее время называть «Окипета», вычитав это имя из своих книжек про гарпий. Иногда ему казалось, что и в театр его пускают вовсе не из-за его договоренностей с бывшим министром культуры, не из-за зятя, благодаря ему ставшим худруком балета. Да уж, тем более, пускают его не из-за дочери, на которую все служительницы презрительно морщились: «Корда!» Артисткой кордебалета было приличным быть в двадцать лет, но не на четвертом десятке и с двумя детьми, не имея с отцом своих детей даже штампа в паспорте.

Нет, ему вовсе не «казалось», он хорошо знал, что пускают его потому, что он давно начал ощущать, будто вместе с ним приходит и та сущность по имени «Аэлоппа», о которой осторожно намекал ему Лев Иванович. Он давно сжился с нею, считая их симбиоз

своеобразным везением, компенсирующим многие жизненные неудачи. Ведь в нынешней жизни было намного безопаснее иметь за спиной некую дополнительную силу.

И когда он мысленно спрашивал, стоит ли ему вкладываться в новый дачный кооператив тенора, он каждый раз слышал воронье карканье Никифоровой: «Сиди тихо! Это все нарочно!» Поэтому он несколько не удивился, когда перед огородным сезоном в Молитвенном Углу, к которому новые дачники готовились с большим душевным подъемом, Гордей взял в кредит новый Mercedes, через неделю перепродал его, не заплатив кредитору денег, после чего исчез со всеми документами и деньгами кооператива.

Громче всех возмущалась «подлости и лицемерию» сбежавшего Гордея пресс-секретарь Никифорова. Но из-за возникшей между ними почти ментальной близости Антон Борисович не мог не почувствовать ее скрытой радости. Гордей выманил из кооператива Игнатенко и обобрал «под липку» наиболее состоятельных артистов, остро нуждавшихся в дачном участке, собиравших на него всю жизнь.

«Он же ни в чем не нуждался! У него были всегда разные дорогие машины!» - удивлялись все члены несостоявшегося кооператива в Молитвенном Углу, узнав, что концерты они давали за согласование абсолютно посторонней застройки для работников Министерства регионального развития. А Никифорова подливала масла в огонь, напомнив, что жена и двое детей тенора жили в двухкомнатной квартире в Митино, которую ему с огромной скидкой помог купить театр: в 2001 году она досталась ему всего за 10 тысяч долларов.

Он был объявлен в розыск, однако следы его затерялись, а правоохранительные органы не скрывали опасений, что тенор, провернув такую аферу с коллегами, давно покинул пределы России.

Правда, после его исчезновения Антон Борисович отметил, что у Никифоровой появилось бриллиантовое кольцо изумительной работы, а за ее показным огорчением не чувствовалось действительной глубины переживаний. Настроившись на ее «волну», он тут же понял, что тенор вовсе не блаженствует на Лазурном берегу, как с нескрываемой грустью предположило большинство его обманутых вкладчиков. Перед ним пронесли какие-то странные картины: подпольные казино, крутящаяся рулетка, карты, фишки и огромные волчьи морды, подпираемые воротничками прокурорских кителей.

Антон Борисович догадался, что Гордей проигрался в подпольных казино, крышуемых прокурорами из Подмосковья. А вся эта афера была устроена тенором с одной целью – расплатиться за свою пагубную страсть. Он даже увидел Никифорову в виде какой-то женщины-птицы, внимательно выслушивавшей жалобы прокурора, пытавшегося очистить помятый китель от клочков рыжеватой шерсти.

Осознав, что у многих работников театра история с кооперативом Гордея навсегда отобьет охоту когда-либо «решать все вопросы сообща» и «ощущать себя единой семьей», Антон Борисович почувствовал нечто вроде ревнивого восхищения филигранно разыгранной партией. Кто-то хорошо погрел руки на личных сбережениях артистов, заручившись на будущее и крепкими связями в прокуратуре.

Игнатенко со своими дачниками, не успевшими вступить в кооператив Гордея, был вынужден расстаться со многими «ближайшими планами» из-за отсутствия необходимых средств на их воплощение. Однако он предпринял несколько поэтапных мер защиты профсоюзной кассы, заявив на ближайшем собрании, что после истории с Молитвенным Углом им всем надо

сделать выводы и оградить свои сбережения, заработанные в полном смысле потом и кровью, от посягательств всяких проходимцев.

Вряд ли Игнатенко догадывался, что, сделав свои выводы из краха кооператива Гордея, на эту кассу каждый вечер в машине зятя Антона Борисовича строила планы балерина Каролина Спешнева.

Самого Гордея Антон Борисович *увидел* вовсе не у кромки теплого моря, а в захолустной автомастерской, где он работал автослесарем и беспробудно пил, зачастую ночуя в смотровой яме.

Антон Борисовича удивляли новые способности, появившиеся у него взамен компенсирующей возрастной дальнзоркости. Он зачастую стал обходиться без прослушки, поскольку ответы на многие вопросы получал в виде красочных картин прямо у себя в голове. «Видеть» он мог не по всем интересующим вопросам, конечно, но по ряду проблем получал таким образом абсолютно точную информацию. Из нескольких ярких панорам, немного напоминавших зоркий взгляд с птичьего полета, он мог составить вполне логическое описание тех событий, где прослушка не дала бы никаких результатов. Его лишь немного беспокоило, что он при этом он чувствовал запахи и даже мог по ним точно определить то, что ощущают внизу маленькие люди, которых он высматривал с невероятной для своего среднего роста высоты.

Например, задумавшись о том, где мог скрываться Гордей, он вначале увидел аккуратную разбивку гаражного кооператива под Рязанью, будто смотрел на него из иллюминатора лайнера, заходившего на посадку. Затем его взгляд почти вплотную приблизился к вывеске «Шиномонтаж», а потом перед ним возникло помещение мастерской с двумя машинами после аварии. Гордея он безошибочно опознал в опустившемся субъекте в замасленной фуфайке - по запахам пота, спиртного и особому пряному запаху какой-то острой безнадежности на грани с отчаянием.

В углу смотровой ямы он молниеносным взглядом-вспышкой увидел импровизированный топчан, понимая, что Гордей часто остается здесь ночевать, не имея постоянного пристанища. Все картины сопровождала странная песня, которую сорванным тенором Гордей напевал себе под нос, затягивая болты.

Как помру – похороните меня в кукурузе.

Не забудьте написать имя мне на пузе.

А Фиделю передайте, що мене не стало,

И теперь ему не буде ни хлеба, ни сала...

* * *

Что и говорить, вокруг Антона Борисовича складывалась нездоровая антагонистическая обстановка. Любой на его месте мог бы сломаться и утратить уверенность в себе, но он чувствовал, что вместе с ним за происходящим наблюдал и чей-то посторонний зоркий взгляд. И когда все собранные им сведения выстроились в логическую цепочку всеобщего торжества по поводу налаживающейся самым радужным образом жизни, начиная с его зятя и заканчивая танцем с барабанами от Светланы Барабуль, - Антон Борисович почувствовал чей-то тихий толчок в затылок, а мягкий женский голос внутри его головы сказал: «Пора!»

Он тщательно собрался, долго смотрел на себя в зеркало, стараясь не замечать давно пугавшей его тени за спиной, а потом решительно направился в театр, нисколько не сомневаясь, что

пресс-секретарь Никифорова его ждет в кампании четырех мужчин, имевших к нему ряд закономерных вопросов.

В театре его уже ждали, охранник на входе предупредительно сообщил, что его ждут в оранжевой гостиной театра. Ему надо было пройти через большое светлое фойе, где было абсолютно пустынно. Он уже вышел на середину зала, когда из бокового коридора вышел главный премьер театра Николай, за ним семенила сухонькая интеллигентная старушка с подведенными карандашом губами, которую в театре все звали Глашенькой. При виде Николая у Антона Борисовича резко опустились плечи от внезапной тяжести, будто на его плечах заворочалась огромная, необычайно тяжелая птица.

Николай тоже остановился, как вкопанный, зачарованно глядя поверх головы Антона Борисовича, почувствовавшего, будто кто-то пытается когтями стащить с него скальп на затылок.

- Мельпомена! – услышал он в голове отвратительный визг. – Он меня видит! Уходи, уходи к Окипете, старый дурак!

Антон Борисович поторопился покинуть фойе, стараясь не прислушиваться к голосу, оравшему у него в голове от невыносимой боли. Каждый шаг ему давался с большим трудом, но как только он ретировался в ближайший проход, так ему перестали стягивать кожу на затылок, стало легче дышать, а с плеч будто свалилась огромная нечеловеческая тяжесть.

- Ну и, как мы будем с вами разговаривать? – спросил сидевший в кресле заместитель директора Мазепов вместо приветствия.

Антону Борисовичу было совершенно не до церемоний, после того, как он протащил что-то невероятно тяжелое на плечах под изумленным взглядом прославленного балетного премьера.

- Лучше по-деловому, - просто ответил он. – Без ненужных эмоций и бесполезных разборок. Сам уже все осознал и искренне раскаиваюсь в содеянном.

Возникла гнетущая пауза. Директор театра сидел за столом, возле которого с кривой ободрильной улыбкой примостилась на пуфике пресс-секретарь Никифорова. А у входной двери на стуле с золочеными ножками сидел бывший министр культуры со скорбным выражением лица. Посреди гостиной стоял такой же стул, явно приготовленный для него. Он подошел к стулу, развернув его так, чтобы не сидеть спиной к бывшему министру культуры, который, казалось, полностью ушел во внутреннее самосозерцание.

- Антон Борисович, мы с вами решили поговорить о том, что произошло в начале марта полтора года назад, - закуривая, хриплым осевшим голосом сказал директор.

- Уже больше полутора лет прошло... Год и восемь месяцев, если точнее, - заметила пресс-секретарь Никифорова с мягкой извиняющейся улыбкой.

- И как вам понравились произошедшие перемены? – поинтересовался Мазепов.

- Не понравились, - честно ответил Антон Борисович, - Удивляюсь, как все это терплю, если честно.

- А разве вам не шли навстречу? – вставил веское слово бывший министр. – Вы входите в чужое налаженное дело, устраиваете такое... Но ведь половина нашего бизнеса держится на бренде театра! Это государственное достояние и предмет национальной гордости! Вы соображаете, какой ущерб нанесла произведенная вами рассылка личных фотографий – имиджу театра?

Обиженно.

- Господа, у меня не было другого выхода! – ответил Антон Борисович первое, что пришло ему в голову. Вернее, второе, потому что рефреном словам бывшего министра в его голове звучала идиотская песня тенора Гордея про похороны в кукурузе.

- Вот все, буквально все так говорят, кого только к стенке не припрешь! – воскликнул замдиректора Мазепов.

- И не говорите, уже противно такое выслушивать, - прогудел директор театра, попыхивая сигаретой. – Ни у кого нет выходов, всем выходы перекрыли. А честно пояснить, зачем такое сделал, никто не желает.

- Вы лучше объясните, Антон Борисович, чем вам самому не нравится то, что вы сделали, - пришла на помощь пресс-секретарь Никифорова.

- Зять у меня... это, - путанно начал объяснение Антон Борисович, опустив глаза.

- Лучше начать с того, что он вам не совсем зять, - ехидно вставил бывший министр культуры.

- Да? Не совсем зять? – деланно удивился Мазепов. – А ведь так похоже! С виду все напоминает, будто человек вскрывает чужие телефоны и делает рассылку по тысяче адресов, включая зарубежные средства массовой информации, ради настоящего зятя, абсолютно законного, а главное, лояльного к тестю.

- Этот кризис лояльности, какая-то неблагодарность и приводят к неожиданным поступкам, цену которым можно узнать только со временем, - глубокомысленно изрек директор и задумался о чем-то своем.

- Мне кажется, Антону Борисовичу все-таки есть, чем нас всех удивить, хотя мы и без него знаем многое, как он уже понял, - с доброжелательной улыбкой проворковала Никифорова.

- Есть, конечно, - тихо подтвердил Антон Борисович. – Он теперь с Аркадием Барабулем ходит на прием в Администрацию президента к... ну, вы меня понимаете. Дал мне понять, что намерен занять кресло директора театра. И тогда я ему не нужен, да и вы все тоже. Ему все средства понадобятся, он делиться ни с кем не будет. Он хочет жениться на Каролине Спешневой, а дочку с внуками ко мне переселить.

- Ему это определенно пообещали? – уточнил бывший министр культуры.

- Ему пока не ответили согласием, но и не отказали, - уклончиво ответил ему Антон Борисович. – Но вы ведь сами знаете, как бывает... Придет, к примеру, о вас рассылка по тысяче адресов... Сейчас ведь всякие хакеры в Интернете что попало делают. А тут человек ходит... третий месяц... амбразуру собой заткнуть.

- Ах, какие у нас нынче хакеры в Интернете! – воскликнул Мазепов. – А про министра обороны и его верных подруг из Оборонсервиса они рассылку делали? Что-то не припомню! А про Агролизинг они по тысяче адресов разоблачения посылали? Тоже руки не дошли! Вот только телефон, номер которого известен крайне ограниченному кругу лиц и никому из хакеров-шмакеров абсолютно неинтересен, они вскрывают и делают рассылку, откуда-то выведав о необходимости заключения контракта с худруком балета! Никогда не знал, что у нас до такой степени хакеры продвинутые... в балете.

- Про Оборонсервис и Агролизинг всем интересно, тема коррупции в высших эшелонах власти нынче очень болезненная, - согласился бывший министр культуры. – А вот как устраивает свою личную жизнь руководитель балетной труппы театра, интересно ограниченному кругу лиц. Вскрыть чужой мобильный из этого круга может и того меньше людей. Если точнее, по пальцам пересчитать! И когда начинаешь загибать пальцы, то ваше имя, Антон Борисович, приходит на ум первым.

- Нет, а как сожитель вашей дочери решил, будто его посадят на такие мощные бюджетные потоки, на систему платежей и взаимозачетов, если он понятия не имеет, что из них кому следует? – удивился директор. – Мы ведь все здесь не просто так сидим, каждый представляет интересы определенной группы лиц. Мы знаем, что кому говорить, сколько кому следует. Мы знаем, кого можно вместе пригласить, кого в отдельности... А ваш зять вообще никого, кроме Барабуля, не знает! Но поинтересовался бы вначале у нас, почему мы этого Барабуля знать не хотим!

- Вот именно! – поддакнул Мазепов.

- Господа, но ведь Антон Борисович, кажется, с предложением пришел! Давайте выслушаем его! – поспешила остудить пыл присутствующих пресс-секретарь. – Вы же пришли не просто так, чтобы сообщить то, что нам уже и без вас сообщили, правильно? Вы же не думаете, будто ваш зять мог вести себя разумно и хотя бы скрывать свои намерения и тесную связь с Барабулем?

Его так распирает «планов громадьё», что смотреть противно! – подтвердил Мазепов. – Он уже своей заместительнице Баландиной пообещал место пресс-секретаря! А скольким он пообещал танец с барабанами на гастролях в Лондоне, так впору посылать туда отряд юных барабанщиц! Может, вам с ним второе агентство открыть – по танцам с барабанами?..

- Я понимаю ваше недовольство, - заметил Антон Борисович, доставая приготовленные листочки. – Но давайте рассмотрим мое бизнес предложение. Все же я могу быть в этом интересен своими связями в МВД...

- А у Барабуля гораздо более тесные связи с МВД! У него сейчас министром – его лучший друг, - ехидно заметил бывший министр культуры. – Прежний генерал с ним бы якшаться не стал, но он надорвал здоровье на борьбе с экстремизмом. А в последнее время начал творить несусветное и при любой попытке спросить, чего это он такое делает, приноровился принимать позу лотоса. Немудрено было в таком бардаке под видом борьбы с экстремизмом рассылки с чужих телефонов устраивать. А нынче ведь у вас с новым министром МВД никаких связей не имеется, насколько я понимаю.

- Ну, я все же зятя, мужа младшей дочери, туда устроил, - скромно ответил Антон Борисович. – И брата младшего я устроил туда... достаточно давно.

- А младший зять у вас настоящий или тоже... балетный? – сострил Мазепов, явно не желая, чтобы Антон Борисович так просто перешел к докладу своих листочков.

Его можно было понять, ведь на фотографиях «театральных романов» бывшего руководителя балетной труппы, разосланных по тысячам адресов, была зафиксирована и его личность. Но Мазепов не понимал, что бывший министр культуры, чьи фотографии из того же телефона пока не были разосланы по тысяче адресов, - вовсе не желает рвать отношения и составить кампанию жертвам сексуального скандала. Он пришел за твердыми гарантиями, что подобных рассылок больше не будет.

- Младший зять у меня вполне надежный разумный человек, с ним никаких проблем не было, - тяжело вздохнул Антон Борисович. – Но вы правы, мой бизнес при МВД вообще пошел вразнос, как только прежний генерал съехал с катушек в позе лотоса. Я в «Балетных традициях» использую прежние связи и навыки в работе, у меня с таможней-растаможкой схемы налажены еще с 90-х годов. Но все пока идет зятю...

- А зять спускает на баб-с! – радостно закончил за него Мазепов. – Я с этим павианом, господа, могу работать исключительно из любви к искусству. Мне хочется, чтобы этот его балетный зять – получил за все свои постановки сполна. Награда должна найти своего героя!

- Понимаете, Антон Борисович, - решил вдруг дать некоторые пояснения директор театра, – не все так просто! У нас ведь годами налаживаемые связи в деле... которым занимается и Барабуль. Но все наши сотрудницы молчат, они на постоянной работе, они под нашим присмотром, а иметь связь с балериной, это не то, что иметь связь с какими-то «моделями», развязными эстрадными певичками или вообще с инструкторшам фитнес-клуба. Барабуль уже пытался через вашего зятя устроить нескольких сотрудниц своего «фитнеса» в кордебалет. Его пока чуть сдерживают творческие проблемы его дочери. Но весь уровень этого человека в представлении, что на фоне собранного им «кордебалета» - его Светлане будет удобнее стать примой-балериной театра. Он рвется опустить наше приличное и достойное во многих смыслах дело – на уровень наживы и чистогана. А вы, со своей стороны, тоже пытаетесь придать сложным и индивидуальным проблемам творческого роста – коммерческий оттенок. Две девчонки, взятые из училища с перспективой работы... гм... с рядом наших попечителей, получили ваше антрепренерство, попав в гастрольные списки и первые ряды кордебалета... просто за деньги! Вы же лезете вместе со своим зятем и Барабулем – как слоны в посудную лавку!

- А ведь у нас своих проблем довольно! – подхватил Мазепов. – Вы понимаете, насколько сложно сдерживать все эти гнусные инсинуации нашего премьера по поводу ремонта? А вы думаете, что все деньги с него мы сами делили между собой и никому ничего не отдавали? Вы думаете, мы все себе загребли?

- Я стараюсь вообще не думать о таких вещах, доверяя исключительно новостному блоку Первого телевизионного канала! – жестко заявил Антон Борисович.

- Это весьма разумно, - похвалил его бывший министр. – Но в сложившихся условиях этого недостаточно. Вы должны были учесть и... некоторые наши затруднения в... кадровой политике, не только свои интересы.

- Я это учел, - кивнул ему Антон Борисович. – Выслушайте, пожалуйста, мое предложение.

Он сообщил, что с момента возведения кооперативом Игнатенко забора, он к нему в охрану приставил через свои связи в МВД надежного человека, имевшего срок за причинение тяжких

телесных повреждений. Антон Борисович не сказал, что очень пожалел, что не приставил человека к Гордею, получив прямо в голове строгое табу на подобные действия в отношении кооператива в Молитвенном Углу.

В Игнатенко он видел большую угрозу становлению своего зятя в коллективе, где после его ухода худруком балета другого театра, Мылина воспринимали «отрезанным ломтем». Тем более, что зять пытался перетянуть с прежнего места работы «свою команду» - подпевал, готовых на все за статус работы в главном театре страны.

Понимая, что администрацию театра как раз меньше всего тревожат внутренние брожения балетной труппы, а намного больше волнует то, что в средствах массовой информации заявляет о театре премьер балета Николай, - в плане был учтен и метод, называвшийся в системе МВД «перевод стрелок». От одного воспоминания о встрече с Николаем в фойе театра у Антона Борисовича начало тянуть волосы на затылок, и что-то сразу же начало давить на шею свинцовой тяжестью. Он был благодарен резко встрепенувшейся Никифоровой, от одного взгляда которой в его сторону ему стало значительно легче.

- Итак, мне хотелось бы еще раз повторить основные этапы общего плана по наведению порядка во вверенном вам коллективе, - подвел он итоги своей аналитической записки.

Поставив во главу угла семейное счастье дочери, он решил, что зять в этом плане будет исполнять роль тряпичной куклы. На его жизнь и здоровье должно быть совершено покушение, непосредственным исполнителем которого станет профсоюзник Игнатенко, а его заказчиком – премьер балетной труппы Николай. Единственное, что с блеском умел делать его зять – это портить отношения с людьми, поэтому Антон Борисович несколько не сомневался, что подходящих «побудительных мотивов» для такой ситуации можно обнаружить сколько угодно. Но на всякий случай учел и прежние возможности о вскрытии телефона, но на этот раз – ложного. Он собирался разместить переписку с телефона своего зятя, в которой тот негативно и оскорбительно отзывался по поводу Игнатенко и Николая.

Куст проблем, интересовавших собравшихся, Антон Борисович обозначил следующим образом: общественная активность премьера Николая, внутренние трения из-за неформального лидерства Игнатенко, наполеоновские планы его зятя Мылина и постоянные попытки Аркадия Барабуля загрести в свои руки «скорую помощь» театра.

В плане он учел то, на что пока никто из присутствующих, кроме пресс-секретаря Никифоровой, не обратил никакого внимания. Виртуальная среда Интернет кем-то была значительно переформатирована. Если раньше тот же премьер Николай мог «погуглить» свое имя, обнаружив лишь слабо посещаемый персональный сайт и форум «Поклонники балета», где под разными никами про него печатались негативные отклики, в интонации которых Антон Борисович безошибочно угадывал стиль бывшего министра культуры, то теперь все изменилось.

В Интернете появились публикации, в которых доказывалось, что Николай – настоящий «король танца», окружен в театре подлыми интрижками совершенно недостойных его людей, хотя «для всей России» и даже в мировом масштабе – именно он в данный момент олицетворяет главный театр страны. Несколько раз в публикациях проскакивало замечание, что Николай – является воплощением античной музы Мельпомены - трагической музы с золотым мечом, как бы вступающим за честь всех девяти муз.

О Мельпомене Антон Борисович собрал отдельные сведения, учитывая, что Николай родился на Кавказе, а в своих интервью упоминал, что является потомком древнего рода, имевшего по преданиям корни в античной мифологии.

- Нам это неинтересно! – безапелляционно заявил Мазепов, но тут же резко осекся, когда на него зло шикнула Никифорова. Краем глаза Антон Борисович отметил для себя ее реакцию и с воодушевлением продолжил.

Он сообщил, что поначалу Мельпомена считалась музой любой песни вообще. Можно сказать, от этой музы выделились вначале Эрато – муза любовной лирики и песен о любви, затем Терпсихора – муза танца и хорового пения, потом муза арий и гимнов Полигимния, а затем и Талия – муза радостной песни и легкой поэзии. Мельпомене осталось самое сложное – печальная песня, которая должна пробудить в человеческих душах сопереживание, сочувствие и под конец завершения эстетической триады создания нетленного, нерукотворного художественного образа – достичь очищающего душу катарсиса.

- Как вы думаете, - спросил Антон Борисович присутствующих, чувствуя, что скулы и верхние веки у него немного начинает стягивать на затылок, – каковы будут перспективы вашего бизнеса, если все ваши клиенты вдруг раскаются в совершенных грехах, начнут искать покаяния и думать о чистоте своей души?

Вопрос его прозвучал риторически, поскольку никто, включая Мазепова, больше не возражал против его анализа сущности Николая, о которой прежде никто не задумывался с такой неожиданной для них стороны.

Самым опасным в этих заявлениях в Интернете является, конечно, последнее, что, мол Николай – и есть самое театр. Попытки как-то внушить обратное, привить более реалистический взгляд на вещи, пока особых результатов не дали. Главным образом потому, что в Николае действительно стало

пробуждаться... нечто от Мельпомены.

Вначале он стал повторять с присущим ему апломбом, что на сегодня он и есть самое театр. А при этом он вдобавок говорит о развернувшейся против него травле - с момента попытки прервать с ним контракт как с педагогом-репетитором. То есть все делается... ну, будто нарочно! Чтобы намеренно вызвать этот образ проснувшейся в нем Мельпомены!

Ведь та действительно еще до возникновения Рима стала олицетворением театра вообще, прежде всего являясь воплощением всего трагического в сценическом искусстве. Кроме золотого меча, эта муза носит у пояса трагическую маску, это квинтэссенция основы драматургического решения образа.

Все попытки бывшего министра культуры как-то принизить или опорочить Николая в сетевых публикациях близких ему блогеров и колумнистов, - заранее обречены на провал, поскольку он не учитывает самой сути этой странной сущности, возрождающейся в Николае прямо на глазах.

- Не понял! – резко вскинулся у двери бывший министр культуры. – Докажите!

- А что доказывать-то? – переспросил Антон Борисович. – Надо было все источники внимательно изучить, не полагаясь на «научный атеизм» и убежденность, будто то, во что все человечество свято верило больше 6 тысяч лет – может быть отменено недоучкой с «классовой теорией», который по специальности работать не смог. Хоть один день Маркс работал

юристом? А Ленин? То-то же! А вы своих цепных песиков нафаскали доказывать, что Николай – тусовщик, что он выходит в ночные клубы и фешенебельные рестораны, где танцует с подвыпившими дамами из нынешней «элиты». Понимаю, вы хотели его опорочить! Ну, и каковы результаты? А результатов нет, потому что вы не учли того, что не понимал в музах и Гойя. У него на портрете одной маркизы в образе музы Эвтерпы – на голове женщины венок из виноградных листьев. Однако такой венок был только у Мельпомены! Начинает доходить?

Все присутствующие посмотрели на него, не скрывая своего недоумения. Антон Борисович пояснил, что все их попытки настроить общественное мнение против Николая – были обречены на провал, поскольку они сводятся лишь к подтверждению, что им воплощается именно Мельпомена. Именно она, а вовсе не Эвтерпа, изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща. Это уже в римские времена ее отделили от виноградной лозы. А вот они нарочно пробудили в нынешней Мельпомене ее исконные качества своими замечаниями о чисто кавказской склонности Николая к пирам и застольям.

- Нет, о нашей склонности к пирам и застольям сообщать можно, а о нем нельзя? – искренне возмутился Мазепов.

- Да можно, конечно, но результат будет обратный, - заметил Антон Борисович. – В Интернете я выявил другие сущности, отреагировавшие на выступления Николая. И больше всего меня заботит нынешнее воплощение Каллиопы, которая полностью владеет давно забытым приемом превращения трагедии в фарс. Именно этот прием и воплощает Мельпомена в венке из виноградных листьев, а не только с трагической маской в одной руке и мечом или палицей в другой, символизирующей неотвратимость наказания человека, нарушающего волю богов.

- То есть вы считаете, что мы будем ставить трагедию, а все превратится в фарс? – уточнил бывший министр культуры.

- Ну, таким приемом в совершенстве последним владел Шекспир, - ответил Антон Борисович. – А разве неудивительно, что все его вещи живут до сих пор? Там ведь комедия заключается в раскрытии фарса любой трагической ситуации...

- Кажется, я начинаю вас понимать, - с улыбкой заметил бывший министр культуры. – Друзья мои, все, что нам предложил Антон Борисович, надо поставить как фарс, выставя нашего Колю – шутом гороховым, а не персонажем античной трагедии, куда он вписывается весьма органично. Я вас правильно понял?

- Совершенно верно! – благодарно кивнул министру Антон Борисович. – Надо ставить трагедию с фарсовыми развязками. Как вам нравится картинка, когда голый Коля будет театрально валяться в своей ванной с перерезанными венами, а на люстре у него повесится голый Игнатенко?

О! Это просто шикарно! – восхитился Мазепов. – Надо будет Грязникова для общей мизансцены пригласить. Мне кажется, им можно подкинуть ту девчонку, Колину ученицу... Пусть она голая раскинется на кресле, погибнув во цвете лет от передоза... Маленькие торчащие грудки, умиротворенное выражение на личике, венок из увядших белых роз...

- Друзья мои, вы увлекаетесь! – оборвал полет его фантазий директор театра. – Это становится слишком похоже на отработанные приемы в постановках опер «Евгений Онегин» и «Руслан и Людмила». А я понимаю, что все должно выглядеть смешно, но вполне естественно. Все должно быть жизненно! Грязников здесь не подойдет, здесь нужна добротная драматургическая постановка. Все должно быть «как в жизни», но смешно. Так ведь, Антон Борисович?

Антон Борисович, у которого опять начало нестерпимо ломить затылок, с трудом кивнул и заметил: «Надо еще в самом начале сделать так, чтобы эта Каллиопа вплотную занималась

своими делами, какими-нибудь судебными тяжбами... Надо устроить ей такое через прокуратуру! Нужен общий наезд на хакеров-балетоманов! Чтобы никто и пикнуть не смел!»

- Конечно, сделаем! – согласилась пресс-секретарь Никифорова.

- Антон Борисович, к вам, пожалуй, последний вопрос, - задумчиво сказал министр культуры. – В такой ситуации сложно предвидеть все последствия, согласитесь. При дурном раскладе ваш зять может... гм... остаться инвалидом. Хотелось бы уточнить ваши требования, которых мы и будем придерживаться в дальнейшем.

- Мне надо, чтобы он просто остался живым, - честно признался Антон Борисович. – Меня бы вполне устроило, чтобы он переехал к своей маме, оставив квартиру несовершеннолетним детям. И состояние его здоровья меня несколько не волнует. С трудом удерживаюсь, чтобы самому не придушить, если честно. Его нынешняя должность и есть настоящий предмет нашей сделки. Мне лишь надо, чтобы я с дочерью и внуками мог жить с небольшого кусочка, на который рассчитываю в «Классических традициях».

- Это несложно! – заявил Мазепов, на которого все посмотрели, как только Антон Борисович озвучил свои требования. – На гастролях он будет даже полезен, решая проблемы с логистикой и растаможкой.

Антон Борисович на Мазепова не смотрел, абсолютно уверенный в его согласии, потому что прямо у себя в голове услышал тихий голос пресс-секретаря Никифоровой: «Молодец, сестричка! Ты была на высоте Аэлоппа!»